

Михаил
Белозёров

Черные ангелы

Да будет сердце постоянно,
Как будет берег океана

фантастический
роман

Черные ангелы

Михаил Белозёров

Черные ангелы

«Автор»

2011

Белозёров М. Ю.

Черные ангелы / М. Ю. Белозёров — «Автор», 2011 — (Черные ангелы)

2110 год, Санкт-Петербург, журналист Викентий Сператов, сосланный с Марса на Землю, начинает расследовать странное убийство женщины и очень скоро узнает, что мифы о постепенном захвате инопланетянами власти на Земле имеют под собой почву. Мало того, обстоятельства складываются так, что судьба мироздания оказывается в руках этого небритого ссыльного журналиста. После всевозможных приключений, восстания кодированных людей Сператов попадает на космический корабль таких размеров, где даже часть земного пейзажа. Там он и узнает тайну инопланетян и уничтожает астронавта – главного инопланетянина.

© Белозёров М. Ю., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	25
Глава 3	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Михаил Белозеров

Черные ангелы

Посвящается моей матери, Людмиле Владимировне.

*Да будет сердце постоянно,
Как будет берег океана,
Оставшийся самим собою
Средь вечных перемен прибоя.*

Роберт Фрост (Перевод Б. Хлебникова)

Глава 1

Блондинка

Если бы все истории начинались одинаково, к этому можно было бы привыкнуть. Но в то утро все было слишком обыденно. По-прежнему шелестел дождь, мокрые листья лежали на подоконнике и на полу образовалась лужа. Небо было ватным. Я перевернулся на другой бок, чтобы увидеть все то же знакомое до отвращения: пятна плесени на обоях, расползающиеся день ото дня, опрокинутую бутылку портвейна, арбузные корки, мокрые джинсы и грязные сандалеты. На письменном столе застыл серо-рыжий геккон, его блестящий черный глаз внимательно разглядывал меня.

Под жалобный скрип армейской койки я сел и опустил ноги на пол. Все было влажным: постель, в которой я спал, одежда, которую я надевал, пол, которого я касался пятками. Черные муравьи проложили дорожку между бутылкой и ближайшей щелью в плинтусе. Им было на все наплевать, даже на хозяина квартиры. После трехмесячной борьбы с ними, я понял, что я для них всего лишь часть пейзажа, и перестал поливать их кипятком и травить патентованным дихлофосом, признав свое поражение.

Дождь забарабанил по листве, как сумасшедший, словно пытаюсь сорвать ее с деревьев и унести в Неву. С постоянным усердием он падал так много дней и ночей, и ему было все равно, привыкнут к нему люди или нет. По крайней мере, я.

Телефон как всегда зазвонил неожиданно. Я не люблю телефонных звонков, но по роду занятий должен держать телефон включенным. Последнее время он приносил одни неприятности. Поэтому я сидел и смотрел в окно. Дождевые струи походили на веревки. Сфинксы на другой стороне переполненного канала потонули в море воды, а розовые цветы лотоса раскачивались и плескались в белых гребешках волн.

Я знал, кто звонит. Вначале она звонила каждый день, потом раз в неделю, потом раз в месяц, теперь раз в полгода. В глубине души я всегда ждал ее звонка. На седьмом гудке сработал автоответчик.

– Викентий! Да возьми ты трубку, черт побери! Слышишь меня?!

Я подождал, вслушиваясь в ее дыхание. Связь была отличная, и даже мой старый телефонный аппарат способен был передать ее волнение на другой стороне линии.

– Если ты со мной не поговоришь, я с тобой разведусь, – сказала она со злостью.

И я поднял трубку. Для этого мне пришлось сделать два шага по направлению к столу. Пол был липким, как патока.

– Я тебя слушаю, Полина, – сказал я как можно более проникновенным голосом.

Но получилось все наоборот – сухо и без чувств, которые она так любила в наших отношениях.

– Ты сукин сын, – быстро произнесла она, – ты забыл нас!

– Ну что ты!.. – воскликнул я.

Но она не дала мне закончить:

– Скажи, когда последний раз ты звонил? Ты даже не поздравил свою дочь с днем рождения.

Действительно, это была правда – звонил я редко, но не оттого, что не любил их, а оттого, что часто бывал на мели. Впрочем, когда на адюльтер¹ накладывается ложь, это уже слишком, поэтому я вяло оправдывался:

– Что я могу сделать?..

– Если ты не вернешься...

– Что?! – спросил я и услышал, как она дышит, собираясь нанести последний удар. Даже то, что она назвала меня полным именем, говорило, что она в отчаянии.

– Я... я...

– Не трудись, – сказал я, – ты же знаешь, мне не дадут визу даже в ближайшие полгода.

– Через полгода я стану старухой!

– Не станешь! – возразил я. – А потом я приеду.

– Ну и черт с тобой! – крикнула она, и связь оборвалась.

Я побрел к кровати, пнул бутылку, и она откатилась в угол комнаты. В Петропавловской крепости ударил выстрел – девять часов утра.

Путь в колонию был мне заказан. Не из-за того, что я был плохим журналистом, а напротив, потому что в 2112 году разворошил осиное гнездо под названием корпорация «Топик», и они иезуитски расправились со мной, сослав на Землю. Поразмыслив, я пришел к выводу, что еще легко отделался, и последние два года вообще перестал глубоко копать в журналистике. В результате мне не давали перспективных заданий и я влачил жалкое существование, перебиваясь статьями на избитые темы о перемене климата и засаливании почв. Впрочем, большего и не требовалось по определению. Ибо какой спрос с поднадзорного? Но между нами, я просто ждал, когда можно будет вернуться домой. Здесь на Земле я сам не знал, чего хочу. Наверное, только одного – чтобы прекратился этот бесконечный дождь.

Не успел я занять место на влажных простынях, как снова ожил телефон, и я подумал, что если Полина потребует развода, у меня не найдется веских аргументов, кроме нашей старой-старой, забытой любви.

Но звонила моя приятельница Лаврова.

– Ты где пропадаешь? – спросила она хрипловатым голосом.

И передо мной всплыло ее лицо, тронутое сеточкой ранних морщинок, и я подумал, что у нее есть одно хорошее качество, которое так нравилось мужчинам – легкий характер. Она не умела устраивать сцен, а если и устраивала, то разве что из-за денег, да и то так стеснялась, что мне стоило больших трудов всучить ей пару-другую купюр.

– Я нигде не пропадаю, – ответил я, – я лежу и смотрю в окно.

Это было правдой. Или, по крайней мере, полуправдой, потому что я действительно проводил много времени в постели или на диване. Иногда я ходил на работу. Но ее звонков я никогда не ждал так, как звонков Полины.

– А вечером ты свободен? – спросила она. – Я приду в пять...

Прошлым летом в Лосево нас познакомил Мирон Павличко. Хорошее было время.

– Давай... – согласился я лениво и положил трубку.

Лаврова была лекарством от скуки, и у нее был ключ от моей квартиры. Она приходила и ложилась во всю длину дивана: уставшая – вялая, как рыба, отдохнувшая – вся устремленная куда-то вовне. Иногда мы с ней коротали вечер перед телевизором, иногда она оставалась у

¹ Адюльтер – супружеская измена.

меня на ночь. По-моему, у нее были и другие мужчины, но она с подозрением относилась ко всем тем из них, кто хотел на ней жениться. Не знаю, чего в нашем бульварном романе было больше – секса или дружбы. Зачем-то я ей был нужен. Но теперь и это лекарство не помогало, и я стал искать другие развлечения, иначе можно было умереть от тоски.

По документам я жил на пятом – заливном участке – в казенной квартире. Два раза в сутки вода не теплее парного молока. Допотопное плоское телевидение, и кабинка портала, для пользования которой мне вечно не хватало денег, как не хватало денег на примитивную «стельку» – простейший сотовый телефон.

Геккон перебрался на зеркало и рассматривал меня бездонным глазом. Я звал его Васькой. Но, кажется, это ему не нравилось. Смахнул языком ночную бабочку, нашедшую приют на стене, и переполз на дверь, где прятались тараканы. Муравьями он почему-то брезговал. Должно быть оттого, что они допивали содержимое моих бутылок.

Мыло долго не смывалось – вода стала слишком мягкой. По причине климата раз в месяц я брил голову и лицо. Потом долго обрастал, сохраняя вполне respectable вид, и это было очень удобно, потому, во-первых, бритье не требовало больших усилий, а во-вторых и третьих, не надо было расчесываться, тратиться на шампуни и средства от перхоти. Сегодня я как раз находился в середине фазы, то есть – «ежик» на голове и еще не совсем клокастая борода. К тому же я не утратил семейных привычек: вовремя гладил себе рубашки и чистил брюки или шорты – в зависимости от сезона. Поэтому я всегда выглядел опрятнее сослуживцев и был вхож в некоторые кабинеты городского правительства.

Телевизор на кухне вещал: «Новое нашествие людей в черном... обратная сторона Луны, тайные базы, брошенные города Марса, осколки бывших цивилизаций...» Мне давно было смешно, ибо получался сплошной пикник на обочине, на который никто не обращал внимания. Заселили космос, но не удосужились даже изучить спутник Земли. Все новости устаревали еще до того, как диктор открывал рот. Все, кроме погоды: «...Если в Европе ливни, то в Африке – зной...» «Голландия сокращается до размеров княжества Монако». «Бельгия – родина сюрреализма, плещется в объятиях Северного моря». Потом: «Сенсация! В районе Севастополя сбита летающая «тарелка!» Найдены зеленые пассажиры...» Я не принадлежал к обществу «Юнариус» и не считал, что старушку Землю посещают инопланетяне. Тема имела длинную бороду.

Да и на это раз диктор, не развивая темы, перешел на слухи об американских штатах, причиной вымирания которых оказалась всего лишь трансгенная еда. Об истинной причине – «большой апрельской катастрофе 2028 года» уже все забыли, ибо это политически невыгодно.

«Почти двухвековое употребление искусственных продуктов питания привело к уменьшению населения США на треть... климат... пески... пустыня... все, кто мог, давно отбыл в лучшие края». Лучшими краями, разумеется, был Марс с его большими городами и искусственными морями. Правда, теперь мало кто помнил, что моря все-таки рукотворные, а города так молоды, что их пришлось стилизовать под старину. В результате вы могли жить в одном городе и на Невском, и на Пикардилли, не говоря уже о Патриарших прудах, вокруг которых селились исключительно одни москвичи. Лично меня устраивал пригород нового Питера, через который петляла даже своя Нева, которая вытекала, сами догадайтесь, откуда – конечно, из Ладоги. Я жил на Беговой. Из окна открывался вид на Нью-Васильевский, и казалось, что он стоит по колено в море. В марсианской Лахте у меня был двухэтажный дом. Я имел два автомобиля, тейлацина по кличке Бес и счет в банке на сто тысяч марсианских рублей, к которому по решению суда теперь не имел доступа. Так что Полина, в отличие от меня, была обеспечена всеми благами цивилизации.

Не успел я выбраться из-под душа, как весь мир стал липким, и каждая пора моего тела кричала: «Вернись на Марс! Вернись на Марс, где сухо и тепло!...»

У меня еще оставался контрабандный кофе, и я варил его в медной турке, которую оставил Мирон Павличко – мой первый напарник по работе. О судьбе этого человека я давно уже ничего не знал, только однажды в коридоре за панелью обнаружил древний револьвер в прекрасном состоянии, коробку с патронами и какой-то металлический диск с дыркой в центре, отполированный до зеркального блеска. Кто-то подпилил у револьвера спусковой курок, из-за чего он получился «мягким» – каждый второй выстрел происходил дулетом. Отдача была влево и вверх. Я очистил его от пыли и хранил, сам не зная зачем, в прикроватной тумбочке. Диск же я использовал как подставку под турку. И вот что удивительно, он совершенно не нагревался и на нем не оставалось никакой грязи и никаких царапин, хотя явно был сделан из какого-то металла. Эти странные его качества некоторое время меня забавляли, потом я забыл о нем, как забывают о ненужной вещице, хотя порой, когда было лень вставать, употреблял его в качестве зеркала.

Сегодня я надел полосатые шорты до колен и белую футболку, которая эффектно подчеркивала мою черную бороду.

* * *

Дождь перешел в ту стадию, когда не надо пользоваться зонтом, однако во дворе, усыпанном лепестками клематисов, я тут же промок от града тяжелых капель, упавших с плоской вершины ливанского кедра. В его ветках мелькнула рыжая белка. Земляничное дерево было усеяно встрепанной стаей рогоклювов. Я сорвал пару ягод и бросил в рот. Ягоды оказались водянистыми и безвкусными. Спешить было некуда. До десяти в редакции один главный – Алфен. Потом приходил Лука, а потом до вечера с заданий тянулись все остальные. И я в том числе. Можно было вообще не ходить, но дома было скучнее.

В арке, где пахло гнилыми фруктами и овощами, я столкнулся со знакомым полковником в отставке.

– Прекрасно выглядишь! – воскликнул он.

Я не знал, что надо отвечать в таких случаях. Он был слишком маленького роста, чтобы в моем представлении быть бравым военным, и, ей богу, я никак не мог понять, куда он всегда клонит.

На Галерной убогие хлысты жидким ручейком текли под сень церкви Святой Варвары. Над папертью одиноко мерцала лампада. Купола едва виднелись сквозь переплетения лиан. Гиацинтовые ара громко хлопали крыльями, ссорясь из-за сладких плодов авокадо. Чугунная решетка вокруг давно стала ветхой и поросла густым плющом.

Лес в городе поднимался быстрее, чем его успевали вырубать. У правительства не было средств для расчистки города, а рабочих бригад не хватало, и очищенной оставалась лишь узкая полоска города от Литейного до Большеохтинского моста. Над крышами Васильевского раскачивались зонтики саговых пальм, а в Летнем одиноко застыли статуи, покрытые желтоватыми лишайниками. Поговаривали, что недавно там видели безумного орангутанга, обнимающего одну из кровожадных бассарид. Упоминали также саблезубого тигра, муравьеда и гиппопотама. А какой-то умник выпустил в каналы крокодилов, и теперь они выползали перед Петропавловкой греться на песке. Почему-то об этом никто не писал.

На углу Крюковского подавали еще что-то мясное. Чтобы попасть в кафе, мне пришлось миновать площадь, поросшую большелистным дурманом и никлым рододендроном. Белые и желтые цветы источали в воздух нектарный запах – слишком приторный, чтобы им наслаждаться, и слишком неземной, чтобы к нему привыкнуть, а под ногами лопались огромные дождевики, на споры которых у меня была аллергия. Только через год пребывания здесь я привык к климату, перестал потеть и испытывать слабость от малейшего усилия.

Внутри тоже было влажно, как в бане. Кондиционеры испустили дух в начале сезона дождей, и их никто не ремонтировал. Я сразу стал мокрым, как слизняк. Бармен сделал знак, что помнит мои привычки, и я сел поближе к распахнутому окну в ожидании яичницы с жареными сосисками. Терраса была забита разношерстной публикой: туристами, чиновниками и местным праздным людом. Я услышал нервный разговор.

– Не хочу раздражаться, потому что это уже бесполезно... Понял меня?!

Судя по голосу, человек был настроен очень и очень агрессивно.

– Понять-то понял, дорогуша... – многозначительно ответил ему собеседник. – Поводился кувшин по воду ходить, там ему и голову сломить...

– Чего-о-о?.. – протянул непонятливый собеседник.

– Я насчет кувшина...

– А-а-а... Ничего ты не понял!!! Десять лет... десять! я прослужил в полиции, и что у меня есть?! «Жигули» пятисотой модели с виниловыми сидениями, двухкомнатная квартира трехсотой серии с кухней-шкафом в самом паршивом районе – Горячее поле, бывшая жена, которая удрала в колонии, и старый телевизор, в котором пропал красный цвет. Меня даже в охранники не возьмут!..

– Не переживай, дорогуша, – успокаивал его все тот же голос. – По Ереме и колпак. Откроешь сыскное агентство...

– Чего-о-о?.. – на этот раз угрожающе протянул собеседник.

– Я и говорю, откроешь сыскное агентство, дорогуша.

Но уверенности в голосе не было. Должно быть, человек был или беспросветным пессимистом, или тайным идеалистом, а может быть, просто агентом астросов, как теперь любили шутить. Астросы же, на мой взгляд, были плодом дурного воображения желтой прессы. Я к ней не имел никакого отношения.

– Дим, кому это нужно?! Здесь даже правильно убивать перестали!

– Прекрасное поле деятельности... – однако очень серьезно заметил собеседник. – Займешься серийными убийцами. Они, надеюсь, не перевелись?

– Не перевелись! Единственное, чего в избытке! – воскликнул счастливый обладатель «жигулей» пятисотой модели.

Мне стало интересно, и я обернулся. Беседовали двое. Пили водку и закусывали мало-сольным ананасом. Одного я узнал. Это был комиссар Пионов по кличке Бык, с которым я имел честь познакомиться, когда меня этапировали на Землю. Тогда он зачитал мне постановление о досрочно-условном освобождении и самолично снял наручники. А еще я у них в отделении отмечался раз в месяц. За два года он постарел и стал грузнее: огромное лицо приобрело нездоровую рыхлость, живот еще больше оттягивал рубашку, воротник которой по-прежнему был усыпан перхотью, а в неухоженной медной бороде появились седые пряди. Такими действительно становятся неудачники и разведенные мужчины. Шрам поперек головы – от одного уха до другого – придавал ему зверский вид. Кто-то из поклонников отомстил ему, хватанув цепью, но он выжил и два года присылал мне отказы в просьбе о сокращении срока депортации, а теперь его собирались турнуть под зад, и я подумал, что надо бы снова подать прошение о пересмотре дела. Второго я не знал, но подумал, что это, должно быть, Акиндин – преемник Пионова, о котором не без злорадства писали, что он не раскрыл ни одного преступления, а «завалил все остальные», поэтому я рассмотрел его внимательнее. Мне рассказывал о нем мой нынешний напарник – Леха-фотограф. Акиндин был моложе своего шефа, но, как и все мы, загорелый, со следами неряшливости на лице из-за климата: вихрастый, синеватый от щетины, на верхней губе, в ямочке – словно «мышь» под носом – мазок торчащих волос, в контрабандной майке с надписью «Марсошорт», однако на руке блестели золотые часы марки «Брайтлинг», дужку солнцезащитных очков он сунул в рот, и они свисали у него, как слюна у боксера. Больше всего меня удивили очки. Зачем они там, где девять месяцев в году идет

дождь? Потом я догадался. Да он с Марса и только начал приобретать шоколадный загар, но поры на носу у него от влажного климата уже стала походить на кожуру апельсина, а лицо и лоб блестели от солевых выделений. Так что очки, скорее всего, были ностальгией по тепленькому местечку на Марсе, откуда его перевели в провинцию, вот он и таскал их сдуру, засунув в рот, чтобы напоминать себе и окружающим, кто он такой. А может, он тоже проштрафился? – цинично предположил я.

В этот момент Пионов круто повернулся. Для этого ему пришлось вслед за головой переместить и туловище с животом.

– Иди-ка сюда! – поманил он кого-то пальцем, похожим на сосиску.

Я проследил за его взглядом и увидел Луку, который явно прятался за изгибом стойки бара.

Луку я знал давно. Его амплуа – без надобности ни с кем не ссориться – предопределило ему место замглавного. Однако в редакции не было более изворотливого и въедливого журналиста, когда дело касалось работы. Его можно было назвать ягд-терьером журналистского дела – если ухватит, то не отпустит, пока не отхватит кусок.

– Я? – с трепетом спросил Лука, и лицо его приняло еще более унылое выражение, словно от касторки. Он даже оглянулся по сторонам, будто рядом сидел еще кто-то.

– Ты, ты! – нетерпеливо произнес Пионов. – Червь бумажный!..

– Ни-ни... это не я... – заверил его Лука.

К тому же он был столь патологически бесчестен, что с ним было неинтересно общаться. Собственно, он был скучным человеком, а преображался только в деле. У него был особый нюх на нечистоты города. И он им виртуозно пользовался. Порой настолько виртуозно, что пачкал в них свои густые усы, что привносило в редакцию некоторый криминальный запах.

– Не зли меня! – прошипел Пионов таким тоном, что подвешенные над головой бармена бокалы издали мелодичный звон.

Лука подошел, сжимая в руках смешную марсианскую шапочку под названием «карапуза», которая делала его похожим на унылого сверчка и которая в редакции часто становилась предметом беззлобных шуток, потому что ее вечно прятали, чтобы насладиться его беспомощным гневом. Одет он был, как и большинство посетителей кафе, в майку, джинсы и сандалии на босую ногу. Но все что было на нем, носило отпечаток неряшливости. Даже зонт у Луки горбатился от торчащих во все стороны спиц.

– Вы ко мне, господин... м-м-м... простите...

Верхняя губа у него была выпачкана в молочном коктейле, который он очень любил, а на усах висели крошки пирожного.

– Брось... – сказал басом Пионов. – Какой я тебе господин?!

– Я все понял. Я больше не буду...

– Чего ты понял? – удивился Пионов. – Ничего ты не понял. Кто тебе принес информацию о «риферах»?

Три недели назад где-то в районе Макаковки полиция обнаружила партию контрабандных сигарет, пропитанных слабым синтетическим наркотиком. Дело заинтересовались в Смольном. Но сделано это было с подачи Луки, вернее, после его статьи, в которой он намекнул на связь полиции с экипажами кораблей, возившими контрабанду. Разумеется, дело замяли. Однако Лука не успокоился. Он принялся разгребать навозную кучу под названием «коррупция в эшелонах власти». Наверное, он испытывал садистские чувства. Правда, в самом же Смольном ему вежливо дали понять, что он пользуется ненадежными источниками информации, и он утвердился в своем стремлении уличить власть еще сильнее. Теперь за него принялась полиция.

– Не помню... – почти твердо вымолвил Лука и вытер губы.

Несмотря на скверный нрав, в нем иногда просыпалось репортерское упрямство.

– Ладно... – Пионов, кряхтя, поднялся. Он был на две головы выше самого высокого человека в городе. Его огромный живот едва помещался в проходе между столиками. – Поговорим в другом месте.

И я понял, что сегодня Пионов настроен решительно и что Луке не поздоровится.

Опрокидывая стулья, они потащили его в кухню. А я решил узнать, появится ли сегодня замглавного на работе? Через стеклянную дверь я увидел, как Пионов прижал Луку к стене. Он мог раздавить его одним движением живота. У бедняги ноги оторвались от земли – толстяк был чудовищно силен.

– Ты скажешь мне или нет! – А самого Пионова, казалось, хватит удар. Он разъярился, как бык на красную тряпку, а его шрам на голове налился багровым цветом.

– Отпусти его, дорогуша, – вдруг произнес Акиндин, – он ничего не может сказать. Ты его задушишь.

– Вначале он мне все расскажет... – Пионов тряхнул Луку и разжал руки. Лука упал к его ногам. – Ну!.. – Пионов нагнулся, замахнувшись, при этом живот у него, похожий на лошадиный бурдюк, отвис до самого пола. Но Лука даже не зажмурился.

– Да он мертв... – удивился Акиндин и, беспокояно оглянувшись, заметил меня.

В этот момент Лука закашлялся, ноги его с потрескавшимися пятками задергались, и я предпочел ретироваться. Мне вовсе не улыбалось стать свидетелем полицейских шалостей. Я уже видел заголовки в газетах типа: «Никчемный журналистика пал от рук грабителей» или что-либо подобное, что обычно пишут, когда полиция замечает следы. Прощай моя яичница с жареными сосисками.

Я бежал по пустынным вспучившимся тротуарам. Мокрые цветы кивали в след. Не знаю, каким был город раньше, но брошенные торговые курятники в готическом стиле и ржавые ларьки портили простор разбегающихся бульваров. Какая-то рыжая трава проросла между вздыбившимися плитами. Лопухи торчали изо всех изгородей. На Поцелуевом мосту под зонтиком целовались влюбленные. В кронах кедров перепархивали невзрачные совиные попугаи. Опять начался дождь – бесконечный, теплый, как слезы. Войлочное небо цеплялось за крыши. Плоды инжира лопались под ногами, которые вмиг стали мокрыми. В таком климате, если не следить за собой, ногти на ногах выпадают через пару недель. Капли дождя забарабанили по зонту, как по жестяному барабану. В следующее мгновение дождь перешел в ту стадию, когда кажется, что вам на голову одномоментно выливают с десятков ведер воды. И я решил спрятаться в гулкой парадной старого, облупившегося дома в Конногвардейском переулке.

Вначале наверху открылась дверь и раздались возбужденные голоса: женский и мужской. Причем мужской был какой-то странный, с механическим нотками, словно играла шарманка. Потом хлопнула дверь, послышались быстрые шаги, и через секунду мимо меня пробежала заплаканная женщина. Я поднял голову и увидел, что она чертовски красива – яркая, крупная блондинка с кожей цвета молока. Значит, прилетела последним рейсом, и я уже собрался было заикнуться о моей родине, но она, даже не взглянув на меня, храбро открыла дверь, повернула в сторону Почтамтского переуллка и скрылась в потоках дождя. Я не пошел следом, хотя чего еще можно было ожидать от человека в моем положении, а обреченно шагнул на Конногвардейский бульвар, чтобы минут через десять разглядеть в потоках воды Медного всадника, большую лужу перед ним, а еще через пять минут толкнуть ногой дверь редакции на Невском, 3. А ведь я просто хотел поговорить о Марсе. Возможно, она даже знала Полину или кого-нибудь из моих прежних сослуживцев. Несмотря на безнадежность ситуации, я все еще грезил о своем доме на Марсе и не представлял себе, что никогда не увижу его.

Передо мной открылась лестница. Справа из-под нее высунулось длинное лицо Арона Самуиловича с темными трагическими глазами и такими же темными кругами под ними. Единственный знакомый мне человек, который сохранил почти белый цвет лица, потому что редко выходил на свежий воздух. Впрочем, это тоже было гражданская позиция – не замечать этот

нынешний мир. Он держал книжную лавку, жил прошлым и всегда был не прочь перекинуться парой фраз о погоде, литературе и о политике, чем мы с ним периодически и занимались, попивая в его каморке под лестницей контрабандный кофе. Здесь же, за книжными полками, находилась его кровать.

– Привет, молодой человек!

– Если Рим не пал сегодня... – сказал я, пожимая его руку.

– ...то он не падет и завтра... – досказал он за меня.

Это был наш пароль или продолжение вчерашнего разговора – мы жили надеждой, что очевидная катастрофа с Землей затянется еще лет на пятьдесят, а потом нам будет уже все равно.

Ступени давно сгнили. Это был опасный подъем вдоль монументальных балясин. Но я его преодолел, чтобы увидеть иконостас из портретов всех главных за последние сто лет. Впечатляющая картина, к которой однако невозможно было привыкнуть, и каждый раз я вздрагивал, вглядываясь в их суровые лица.

Я опоздал – Лука сидел у Алфена в его аппендиксе, где помещался кожаный диван, два стула, и что-то втолковывал ему с абсолютно деловым видом. С него как с гуся вода. На шее алел свежий синяк. Позже он прекратится в отвратительное фиолетовое пятно. Впрочем, на поведении замглавного это давно не отражалось, а его внешность уже никого не интересовала, потому что Лука был человеком, с которым, даже если бы он и не писал на криминальные темы, все равно случались бы различные происшествия, ибо он, как и все мы, был патологическим неудачником. Правда, в редакции шептались, что Лука владеет техникой бесконтактного боя и даже техникой отсроченной смерти, но это, видно, мало ему помогало.

Я заглянул в нашу комнату – стол Мирона Павличко, который пропал год назад, был пуст. Полиция не могла сказать нам ничего вразумительного, кроме того, что дело продолжается. По-моему, они ничего не копали, а ждали, когда выйдет срок и дело закроют.

Никто не заметил, как я пришел. Никто, кроме главного. Он сразу махнул мне рукой, и я, открыв дверь, сунул морду:

– Здравствуйте, шеф!

– Заходи, заходи, Сператов... – быстро произнес он.

У главного в кабине над портретом президента висел лозунг: «Не надо подлизываться к власти! Надо обеспечивать себе политический тыл!»

В главном чувствовалась старая санкт-петербургская закваска. Его любимая поговорка: «Давайте попробуем...» говорила о мягком характере, но вы ошибетесь, если решите, что ваши умозаключения верны. Дело в том, что главный никогда не ошибался. За тридцать лет сидения в главных он больше полагался на свои инстинкты, чем на здравый смысл. Главное, что здравый смысл и инстинкты в нем совпадали. А это говорило о безупречности суждений и высоко ценилось акционерами газеты. Разумеется, они понимали, в кого надо вкладывать деньги.

– Беги в кассу за командировочными – полетишь в Севастополь, там разбился какой-то диковинный объект. Я договорился с военными. Завтра туда идет «борт».

– Шеф, в который раз? А вдруг это действительно правда? – спросил я не без подковырки.

– Нам сообщили – мы отработали, – терпеливо объяснил Алфен.

Никто ни во что не верил: ни в людей в черном, ни в маленьких зеленых человечков. Все знали парадокс Ёми: с одной стороны мы, вроде бы, до сих пор не услышали других цивилизаций, с другой – их не может не быть. А астросы? Очередной скучный миф!

Примерно все так и рассуждали. И я понял, что грядущая командировка это заказ сверху – население должно знать, что творится в провинциях, а у властей должна появиться иллюзия, что они не зря едят свой хлеб, управляя страной в последней стадии развала. Я уже застал конец процесса. Если между городами еще сохранилась какая-то связь, то что делается в промежутках между ними, никто не знал. Вы прилетаете в Озерск на Урале или в Бодайбо Иркут-

ской области, там нет властей, но стоит гарнизон, и ты имеешь дело с генералом, а вокруг на сотни километров пустыня – дороги заросли непроходимыми лесами, реки превратились в океаны воды. Поговаривали, что на Таймыре уже бродят стада слонов, а на Кольском в бассейне Харловки водятся бегемоты. Но информацию никто не мог проверить. Впрочем, откуда им там взяться? Север – есть север. Доска, треска и тоска.

Я закрыл дверь редакторской коморки и отправился искать Леху-фотографа, который должен был мне десятку. Я решил, что теперь-то удержу ее из его командировочных. Но в коридоре перед его владениями меня перехватил юноша в тельняшке – Юра Дронский, контактер астросов, как надеялся я (последнее время на этом многие были помешаны), иначе общение с ним теряло всякий смысл.

– Избавь меня, – попросил я его, – избавь меня от своих историй...

– Н-у-у-у... Викентий Павлович...

– Я умер, – сказал я, делая попытку обойти его слева, но не учел, что он поднаторел в редакционных кознях.

– Типун вам на язык, – чему-то обрадовался он, загоразивая мне дорогу и даже пытаюсь удержать за рукав футболки.

– Ты к Сашке Губареву подходил? – спросил я терпеливо, рассматривая его унылое и одновременно возбужденное лицо с фанатично блестящими глазами.

Губарев был штатным уфологом и по долгу службы должен был выслушивать бред внештатников. Однако два или три года занятия подобной тематикой сделали из него беспросветного пессимиста. На все его просьбы «снять с него груз метафизики», главный только отрицательно крутил головой, и я тихо радовался, чтобы в редакции оказался человек, стоящий ниже меня по иерархии, иначе ехать мне сейчас в мокрые леса Карелии, а не лететь в славный Севастополь, где плескалось темное, как вино, море.

– Подходил... – невольно покривившись, ответил Юра.

– А к Тане Малыш? Она в курсе...

– Подходил... – Он тяжело вздохнул.

– Ну тогда все... – развел я руками. – Тема закрыта. – И добавил, глядя на его разочарованное лицо: – Что же ты от меня хочешь?

– Викентий Павлович, только вы можете мне помочь... – завел он старую песню.

Стоило один раз побывать с ним на месте «посадки» где-нибудь на Лахте и промяться до рассвета, как вы становились единоверцем и вынуждены были выслушивать доморощенные теории, которые не имели ничего общего с последними открытиями в этой области, ибо какой интерес в том, что уже известно.

– Не могу, – ответил я. – Не могу, понимаешь?

– Викентий Павлович, я вас не подведу.

– Подведешь... – сказал я, – под монастырь...

– Не под монастырь, а в монастырь, – сказал он с тайным торжеством.

– Какой монастырь? – не без интереса спросил я.

– А... – укоризненно протянул он, – вот видите... – и осуждающе покачал головой.

– Ну? – нетерпеливо переспросил я.

– Тихвинский... – с надеждой произнес он.

– Не-не-не... – сразу открестился я. – Тащить за семь верст. Я улетаю, я улетаю...

– А после? – спросил он в тон, – а после?

– После посмотрим, – согласился я.

– Ну, Викентий Павлович?..

Я попытался обойти его справа. Он снова загородил мне дорогу.

– Ты где служил?

– Как где? – удивился он, очевидно, думая о другом. – На подлодке...

– На какой подлодке?

– На Марсе стажировку проходил...

Я едва не засмеялся. Всем было известно, что там моря по колено, по крайней мере, для подводных лодок. Даже самый большой разлом – «Морская долина» – едва ли был заполнен на сотую часть. Ходил даже анекдот с бородой: «Подводная лодка в степях Марса». Смех смехом, но Юра Дронский был недалеко от истины, ибо, как ни странно, первыми марсианами были подводники – люди, привыкшие много месяцев жить в замкнутом сообществе в условиях ограниченного пространства. Возможно, действительно у военных существовали какие-то программы, о которых я ничего не знал.

– Ну ладно, – согласился я, опираясь локтем о подоконник, который угрожающе закрипел и готов был тут же отвалиться под моим весом – здание было старое и трухлявое, как и все в этом городе. – Тогда должен знать устав. Если я сказал после, значит, после.

– Хорошо, – обрадовался он. – Через неделю я вас найду. И мы с вами поедем...

– Поедем... – сказал я, – если доживем...

– Типун вам на язык, – поплевал он через левое плечо.

Как и все уфологи, он был страшно суеверен, спускаясь по лестнице, трижды пересчитывал количество ступеней и не переходил дорогу, если их оказывалось четное число. И вдруг я понял его: он не верил во все то, что ему говорили, а неверие толкало его на очень скользкую дорожку, которая могла увести или в мистику, или же родить гения. Все зависело от того, на что он способен. Надо к нему приглядеться, подумал я, а то чем черт не шутит. По пути я заглянул к художникам, чтобы известить их:

– Братцы, отворите окна, а то пахнет дохлыми хомячками...

Ибо кто-то из них в надежде на дождливый сезон не мылся неделю или две. А потом открыл дверь и шагнул во владения Лехи-фотографа, который получал удовольствие от ковыряния в носу. Он мне сразу заявил, отвлекшись на мгновение от своей камеры:

– У меня нет наличностей. Знаешь, сколько я плачу за окрашивание волос?

Он наклонил голову, демонстрируя пегую шевелюру. Год назад он стал красить голову и усы и говорить всем знакомым, что его обожают женщины всей галактики. Это было похоже на паранойю.

– Нет, – признался я.

– Двести рублей!

– Сумасшедший! – восхищенно воскликнул я.

Он почему-то захотел стать именно блондином, но с женщинами ему все равно везло не так, как мне.

– Долги отдают только трусы... Уловил мою мысль?

Лицо его искрилось таким неподдельным юмором, что вы заранее прощали ему подобные шутки. Его страстью были фото-, кино- и видеокамеры. Он собирал все: от старинных «леек» до современных цифровых аппаратов, но в результате пользовался только тем, что конструировал сам. Впрочем, он смело утверждал, что в мире не изобретено ничего лучше допотопной двухобъективной трехсот тридцатой «мамии», и мастерил всякие «штучки» на основе нанотехнологий типа подслушивающих и подглядывающих устройств. Он сконструировал универсальную антенну, с помощью которой можно было видеть не только сквозь листву, но даже сквозь стены. И главный не раз выручал его из сомнительных ситуаций, в которые Леха по неосмотрительности попадал. Впрочем, у Лехи с главным были особые отношения, и мы их не касались.

– Еще бы... – сказал я многозначительным тоном.

Он возмутился:

– Ты разговариваешь со мной так, словно я нездоров! – При этом глаза у него оставались абсолютно честными. – Но я тебя сразу предупреждаю – денег у меня нет!

Конечно, он был таким же неудачником, как и я, ведь настоящая жизнь была теперь там, на Марсе, а не здесь, на Земле, а у него был талант, но не было желания никуда уезжать. Я не пытался раскрыть ему глаза на истинное положение вещей. К чему? Половине из нас не на что было надеяться. На Марс попадали лучшие из лучших. Можно называть это своеобразной евгеникой или акцентированным эквилибризмом, суть состояла в том, что на Марсе люди были лучше приспособлены к жизни. По крайней мере, мне так казалось. Но, оказавшись здесь, я быстро понял, что ошибаюсь. И марсианский шовинизм слетел с меня шелухой. Просто кто-то не проходил тесты, кто-то имел грешки, а кто-то махнул на все рукой. Жизнь сложнее инструкций. Правда, она на Марсе только отсюда казалась легкой и беспечной. Там даже было меньше притяжение в прямом и переносном смысле. Главный досиживал в своем кресле, а оно крепко стояло под ним. Вот кто был настоящим везунчиком. Иногда я успокаивал себя и говорил: «Ты пал жертвой обстоятельств, находящихся не в твоей компетенции».

– Отдашь сегодня вечером, – заявил я, улыбаясь.

– Учти, – ответил Леха, – что я еду с тобой исключительно добровольно.

Ему трижды ломали нос. От этого он стал маленьким, как неуродившаяся картошина. Однажды, еще до моего появления в редакции, когда они с Мироном Павличко выслеживали контрабандистов, он нарвался на типа, который в качестве кастета использовал бронзовую ручку от водопроводного крана, и если вы приглянитесь, то обнаружите у него на лице старые-старые шрамы, которые давно превратились в морщины. К тому же он был рыжим, как вечернее солнце, и был лишен способности загорать. К вечеру после целого дня пребывания на солнце он становился розовым, как новорожденный поросенок, а кожа с него отлетала, как шелуха с лука.

– Тепло... – сказал я ему и пошел к Арону Самуиловичу.

Краснобая Леху можно было любить или не любить, но ненавидеть его было невозможно. И я решил, что мою кровную десятку мы с ним пропьем сегодня в обед. Впрочем, на десятку можно было не только напиться, но и плотно пообедать на двоих и даже прихватить выпивку домой.

Выходя из комнаты, я услышал, как Таня Малыш, с которой когда-то у меня был бурный, но короткий роман, злорадно произнесла:

– Он под колпаком у полиции...

А я подумал, что раз меня выпускают из Питера, то что-то изменилось, ведь главный не тот человек, который будет рисковать без надобности. А большой надобности он во мне явно не испытывал. Правда, на Марсе я был неплохим журналистом: когда мне в руки попали компрометирующие правительство материалы, я не упустил своего шанса. Но времена были не те: лозунг «Быстро освоить Марс» предопределил негласные правила политических игр. Принцип справедливой конкуренции, исповедуемый на Земле, на Марсе стал архаизмом, а романтические идеалы первооткрывателей более не интересовали общество. Однако если вы что-то понимаете, значит, вам не все говорят. Информационно-технологический мир стал крайне прагматичным. (Его не интересовал маленький человек. Счет шел на миллиарды – освоение планет и новой энергетики.) Им правили политики, толстосумы и корпорации. Я не только раскопал гнилую систему тендеров, но и обнаружил, что подрядчик правительства – транснациональная корпорация «Топик» в начале десятых, действуя через своих представителей путем подкупа высших чиновников, получила на очень выгодных условиях контракт на прокладку каналов от северного и южного полюсов к экватору. Одним из таких представителей «Топика» был адвокат Виктор Соколов – друг премьер-министра Симеона Юганова. Через полтора года вице-премьер ушел в отставку, Соколов оказался под судом, а обо мне благополучно забыли.

– Плюньте на все, – сказал Арон Самуилович. – Человек не свинья – ко всему привыкнет. – Он потыкал пальцем в потолок магазина, что означало: «Каждый сверчок должен знать свое шесток». – Я буду сучать по нашим разговорам целую неделю. Но вам лучше свыкнуться

с мыслью, как инвалиду с культей, что Земля, по сути, ваш новый дом. Я еще не знал человека в вашем положении, который бы вернулся домой. Знаете, Земля все-таки затягивает. Все ворчат, все жалуются, но она им нравится. Здесь все проще и яснее. А традиции!.. Но будьте осторожны, на вас могут повесить новое обвинение, и тогда прости-прощай любимый Марс.

На Марс не пускали людей даже с небольшими грешками. Каждый из нас боялся попасть в черный список. Существовал реестр грехов, по которому человек становился невыездным. Но даже Лука с его пронырливостью не мог его добыть. Судьба человека решалась где-то наверху в загадочных комиссиях. Я подозревал, что и здесь процветала коррупция и взяточничество. Но доказать никто ничего не мог. Слишком большие деньги ходили там. Муссировались лишь слухи.

Он загадочно улыбнулся. Я знал о подобной практике земных, то бишь марсианских властей не пущать под любым предлогом, но у меня были совсем другие планы на жизнь. Более того, я вообще не знал, зачем живу. Трачу время на выпивку и женщин, хожу на работу, треплюсь с приятелями. Впервые подобные мысли стали посещать меня полгода назад. И я не знал на них ответа, как не знал саму причину подобных мыслей. Что скрывать – всю свою благополучную жизнь на Марсе я думал о Земле с презрением. Я представлял, что на ней живут никчемные людишки, не понимающие, в чем смысл существования. Теперь я признаюсь, что был дураком и снобом. Меня развратил размерянный быт и толстый кошелек.

– Черт! – воскликнул я. – Я буду всего лишь исследовать зеленых человечков! Что в этом плохого?

Он задел во мне тайные струны под названием надежда. Он хорошо меня знал, потому что мы были похожи и еще потому что он давно не питал никаких иллюзий и жил одним рассудком.

– Откажитесь!.. Пустое дело... Не рискуйте...

И подул на кофе. Дело в том, что ему было что терять – магазинчик и любимый кофе. Хотя много ли человеку надо? Он мог лишиться удобного места в центре города, а я – работы. Но от мысли, что кто-то или что-то (конечно, астросы, кто еще?!) может изменить твою жизнь, дух захватывало. В голову лезли мысли о Боге. О спонтанной реакции. Не было только условий для ее осуществления.

– Я улечу с ними на Марс, – пошутил я ошалело. – Все только и говорят о них, но ничего не делают. Вдруг это действительно то, что я искал?!

А что я искал на Марсе? Несомненно, свободу, которую я выпитал с молоком матери. Огромные запыленные пространства, горизонт, к которому невозможно приблизиться. Вот, к чему я привык и подспудно стремился всю жизнь. В моем положении поднадзорного Земля не могла дать этого. К тому же здесь было слишком жарко. Что делать – льды растаяли, а полюса сдвинулись.

– Молодой человек... – Арон Самуилович по неосторожности поставил свою чашку на томик Довлатова, но тут же убрал и вытер книгу. – Вот что главное! – Он потряс ею. – В этой стране никому не везет, но есть духовность, а там? Впрочем, чего я распинаясь, вы сами все знаете. Если кто-то из зеленых человечков, то бишь астросов, вам поможет, передавайте от старого еврея привет. Может, это их предостережет от неверных поступков.

У него была своя философия, мода на которую осталась в прошлом веке. А у нас с ним – столько темы для разговоров, что я подозревал его в тайном желании оставить суть вещей таковой, какова она есть – лишь бы только я спускался к нему каждый вечер и трепался за чашкой контрабандного кофе.

– Впрочем, чему бывать, того не миновать, – заключил он уже тихим голосом. – Возвращайтесь побыстрее, Викентий, и не рискуйте напрасно, я бы не доверял никому, даже маленьким зеленым человечкам.

Я не спросил, почему. И так все было ясно, потому что, во-первых, в нем заговорила совесть правозащитника, а во-вторых, в человеческом сознании маленькие зеленые человечки ассоциировались с врагом – «первая странная война» 60-го, «вторая странная война» 74-го, в которых они себя проявили. Или не проявили? Вопрос до сих пор остался открытым. Откуда же тогда новые технологии, использующиеся при освоении Марса? Под давлением общественности правительство провело расследование, но ничего не рассекретило. Нам остались одни слезы по поводу домыслов.

Потом сверху меня позвали к телефону, и я поговорил с Лавровой.

– Я хочу сегодня у тебя переночевать...

– Хорошо, – согласился я, пытаюсь скрыть раздражение от разговора с Ароном Самуиловичем. – У меня сегодня еще много дел. – Но ты можешь подождать меня у телевизора.

Чего вы хотите от женщины? Покорности, конечно. Теплой, уютной постели. У нас с Лавровой все было не так. Слишком много случайностей, которые невозможно было предугадать. Может быть, она мне этим и нравилась?

– А ты? – ревниво спросила она. – Ты куда лыжи наострил? Ты что заигрываешь со мной?

– Я не заигрываю, – ответил. – Я только пытаюсь быть вежливым.

Может, у нее начались месячные? – подумал я.

– Если бы ты со мной заигрывал, ты бы стал ругать правительство и колонии. А ты всего лишь говоришь, что улетаешь в командировку.

– Странно, я не говорил, что улетаю, – пролепетал я. – Или говорил?

Обычно я с женщинами не общаюсь на служебные темы. Что может быть тоскливее фраз: «Сегодня я накропал три статьи о марсианских переселенцах».

Но она была непреклонна.

– У меня есть, с кем провести вечер. Но я хочу провести его с тобой, а ты неуважительно относишься ко мне! – И бросила трубку.

Так прошел рабочий день. Мы съездили с Лехой на Кировский, чтобы осветить вялотекущую забастовку портовиков, которым год не платили зарплату, потом смотались в Охту, где бузили безработные и хлысты, а часов в пять я решил пойти выпить пива. Выбор был небольшой: или к «Юрану» на Биржевой, или в «Пятяярви» (где еще работали кондиционеры и зал был обставлен в стиле фильма «Замерзшие»: столики и стулья из материала, имитирующего плотный снег, а водку подавали в рюмках из натурального льда) на Замковой улице, которая была расчищена какими-то бесшабашным предпринимателем от дернистого луговика и акаций. Впрочем, чтобы добраться туда короткой дорогой, надо было пройти через заброшенные кварталы вдоль канала по тропинкам среди зарослей колючих растений, названия которых я до сих пор не знаю, где вы рискуете не только быть укушенным какой-нибудь тварью (в шортах туда лучше не соваться), но и попасть под град кирпичей разрушающихся зданий. Не в этом ли цель правительства, часто задавал себе я вопрос, все развалить, а потом прибрать к нечистым рукам? Последнее время в связи с этой темой все чаще всплывало название корпорации «Топик». И я бежал от этой мысли, как от чумы. Если же идти по Невскому, то мне грозила смерть от жажды, потому что это был самый длинный путь. Я пошел к «Юрану». С одной стороны вровень с берегами стремительно неслась Нева, с другой – возвышались позеленевшие колонны Биржи, с правого берега доносилась «черная» музыка и старый, добрый «хип-хоп». Я настроился на благодушный лад.

В «Юране» было так дымно, что можно было вешать топор. Пахло дешевым саговым пивом и потом. Большеликая блондинка сидела в углу одна. Она была ослепительно белокожей, в майке, с потрясающей грудью, и походила на Беллу Демидову из «Нежной ночи». Сейчас она показалась мне женщиной в пастельных тонах. Не из тех, кто «крутит баранку» звездолета и не может иметь свое мнение по причине монополии корпорации «Трассмарса» на

мысли и поведение своих служащих, не из тех, кто делает карьеру в какой-нибудь иной космической фирме в качестве секретаря-референта, и не из тех, кто потерял всякую надежду иметь ребенка, потому что у их матерей-переселенцев развилось позднее зачатие. Не то что бы старомодна, а скорее мягче в чертах и ракурсах. На ее щеках обозначился слабый румянец. Разглядывая ее, я не нашел признаков эмансипации, свойственной большинству современных покорительниц космоса. Значит, она не принадлежала к ассоциации «Марс», на которую работает добрая половина человечества и которая отличалась формализмом в морали. Может быть, она занимается социальными проблемами и решила познакомиться с местным колоритом? А может, она поссорилась с мужем и мстит ему? С такими женщинами я еще не был знаком и сразу понял, что у нее что-то случилось. Впрочем, кто из марсиан не мечтал оторваться по полной и поглазеть на аборигенов, которые еще не утратили индивидуальные черты характера и национальной внешности. И я подсел к ней.

– Что вам надо? – спросила она.

Это был не отказ, а скорее предупреждение. В ее взгляде восхитительных голубых глаз я не увидел резкости, свойственной доступным женщинам. У нее были тяжелые веки, которые у меня ассоциировались с материнством, и скулы с голодной впадинкой под ними. В общем, такие женщины мне нравились, потому что в них я находил черты Полины, но понял я это не сразу.

– Я видел вас сегодня, – сказал я. – Мне показалось, вы чем-то расстроены.

– Ничем я не расстроена, – ответила она, безуспешно припоминая мое лицо.

Но я ей не поверил. Когда вам так отвечают, значит, вы просто заступили на чужую территорию. Но кто знает, быть может, в следующее мгновение она станет чуть-чуть и вашей?

– Послушайте, – сказал я, – я журналист и хорошо знаю этот город. Вы же не местная? А приставать к вам я не собираюсь.

Она сжала губы в знак снисходительности, повернулась ко мне в профиль и сказала:

– Тогда закажите мне абсент.

Я удивился, но заказал. Себе для начала я взял светлого контрабандного пива номер три.

Она сделала большой глоток. Если кто не знает, сообщу, что зеленый абсент – горючий напиток не для дам. Он слишком крепок даже для мужчины. И пить его надо совершенно по-особому – капая на кусок сахара и собирая с него божественную росу. Но даже я не рискнул это сделать, памятуя о завтрашней командировке.

– Держу пари, – сказал я, – вы здесь совсем недавно?

– Ах, не все ли равно... – вздохнула она и сказала: – Откройте лучше окно.

Я открыл окно, и теплый воздух вместе с моим дыханием вырвался наружу. В сумерках шелестел дождь. И я впервые почувствовал, как прекрасны в Питере вечера. Где-то там за облаками светила луна и рядом с ней маленькая, но яркая точка – Марс, где на закате небо голубое, а в полдень – красное и где околополюсные звезды совсем другие, нежели на Земле.

– Вам кажется, – вдруг загадочно сказала она, – что вы все знаете, а вы... – И я мог поклясться, что она произнесла «мой друг». – Ничего... ничего... не знаете...

– Ну вот! – удивился я. – Вы меня заинтриговали...

– Н-н-н... – Она покачала головой, сжав губы. – Не выйдет фокус. – И засмеялась.

Она меня подразнивала. Я сразу это понял. Может быть, всему виной был алкоголь? У нее были длинные прямые волосы – мода, которая не существовала в пределах этого города. И вдруг я вспомнил, что видел такие прически в старых фильмах, которые с упоением просматривал дома по телевизору. Впрочем, возможно, мода была московской, а мы, провинциалы, даже не догадывались об этом.

– Я знаю, откуда вы... – сказал я не без гордости.

Ее выпуклая грудь под майкой, с заметно торчащими сосками, не давала мне сосредоточиться.

– А-а-а... интересно... – Она наклонилась, и я ощутил почти неземной запах, аналога которому не было в моей памяти. – Ну что же вы молчите?

– Ха... – выдавил я из себя. Глупо было бы ей сообщить, что утром я слышал, как она с кем-то ссорилась. И я ляпнул первое, что пришло в голову: – Вы инопланетянка!

– У вас потрясающая интуиция, – сказала она и сделала большой глоток из своего бокала, но даже не поморщилась.

Я мог поклясться, что угадал, но у нее была хорошая выдержка, и я так ничего и не понял – должно быть, ей все надоело, и наш разговор тоже. Глупости, пронеслось у меня в голове, какие глупости... И тут же забыл об этой мысли, и подумал, что она ловко ушла от ответа.

– Суть заключается в том, – грудным голосом произнесла она, – что вы почти угадали.

Мне пришлось рассмеяться – это походило на обычный пьяный треп. Она подперла кулачком подбородок и с интересом посмотрела мне прямо в глаза. Давно у меня не екало сердце от таких взглядов. Местные женщины мне были слишком хорошо знакомы. Вначале они спросят у вас, который час или стрельнут сигарету, потом предложат пройтись в гостиницу, а потом явится сутенер и заявит, что секс стоит в два раза дороже, чем вы договаривались, и вам придется расстаться со своей наличностью и часами. Впрочем, это еще по-божески. Сценариев было великое множество, вплоть до самых худших. Поэтому я редко с кем-то знакомился в барах.

– В какой газете вы работаете?

– В «Петербургских ведомостях» – ответил я и подумал, не выпить ли мне водки, чтобы стать таким же раскованным, как и она.

– Все равно я их не читаю, – призналась она, и снова ускользнула из того доверительного разговора, который устраивал меня. – Клянусь, вы пишете книгу, – сказала она, словно что-то припоминая.

– Почему вы так решили? – у меня была такая черта – икру метать, и я бы мог много наговорить на эту тему.

Действительно, я питал честолюбивые надежды написать роман о Земле, ностальгически грезя совершенно о другом мире, и даже что-то кропал по ночам, если меня не убаюкивала Лаврова, но одна мысль останавливала меня – кому это нужно там, на Марсе и здесь на Земле? Ни-ко-му!

Сощуриив глаза, она долго рассматривала меня сквозь сигаретный дым и водила пальцем по ободку бокала.

– Думаю... – И перевела взгляд на полупустой бокал, словно прикидывая, заказать еще или нет. – Думаю, потому что иначе бы вы здесь не торчали.

Это был более чем скромный комплимент. Но я на него попался.

– Ага, – многозначительно произнес я, – теперь моя очередь не говорить правду. На самом деле я сюда сослан.

– Сосланы? – удивилась она.

– Знаете что-нибудь о фирме «Топик»?

Я поймал себя на мысли, что обычно не говорю с малознакомыми людьми на эту тему. Почему же я сейчас это делаю?

– Та, что добывает воду и электричество? – И ее глаза с тяжелыми веками снова широко открылись и посмотрели на меня.

У меня еще раз екнуло сердце – так вы ожидаете любви, которой не суждено свершиться, но все равно вы ждете и ждете, а потом становитесь циником и пропащим человеком.

– Да, – сказал я, уже жалея о разговоре. – Я подсуетился, а им не понравилось.

– Это нечестно, – искренне посочувствовала она.

– Еще как, – согласился я. – Еще как!

– Хотите, я вам помогу? – предложила она.

Я ощутил холодок в спине и чуть не выругался. Это было что-то сродни профессиональному чутью. Словно вы в море информации натолкнулись непонятно почему на ту единственную фразу, которая выводит вас к цели. Я даже немного разозлился. Кто так шутит?!

– А как вы мне поможете? – спросил я, вдруг по-идиотски поверив в удачу, которая в последние годы старательно обходила меня стороной.

– На Землю готовится вторжение...

– А-а-а... – разочарованно протянул я, – ну да... Я это тоже знаю...

– Вы не понял, – сказала она, и в ее голосе прозвучали нотки раздражения.

– Об этом твердят в каждых часовых новостях, – заверил я ее. – Почитайте газеты... В конце концов спросите у любого в этом баре... Астры, это все они!

Мода на мировые розыгрыши канула в вечность. Я не собирался на них купиться. По лицу незнакомки промелькнуло насмешливое превосходство.

– Ну ладно, – сказала она, – смотрите, – и сунула мне в ладонь предмет, который больше всего походил на брелок с черным ключом треугольного сечения. На брелке был выгравирован правильный многогранник черного цвета. – Это ключ, а это... – она вложила мне в ладонь детский пластиковый шарик, – я вам что-то покажу...

Я наклонился, и вдруг шарик «открылся» – передо мной разложилась голографическая карта: вот мы, а вот Нева и мостовая набережной. По небу плыли миниатюрные облака, тротуар блестел, за рекой горели огни, а точка, с которой мы разглядывали все это, казалось, была видна одновременно со всех сторон.

– Фу, – сказал я, отстраняясь. – Вы меня испугали. Но я видел такие игрушки...

На самом деле я удивился, откуда у блондинки планшетник. А еще я ее обманул, потому что не хотел признаться, что далек от современных технологий. Разумеется, я слышал от приятелей о подобных штучках, которые использовали военные, но мне не хотелось показаться простофилей. Она могла взять планшетник у своего любовника или отца, в конце концов она могла работать на какую-нибудь разведку, а здесь забылась и расслабилась. Все это мгновенно пронеслось у меня в голове. По роду профессии я был готов к любым авантюрам и провокациям, но, честно говоря, с планшетником она застала меня врасплох.

– Правда? – равнодушно удивилась она и забрала у меня шарик, который тут же свернул карту. – А знаете что?

– Что? – спросил я, предугадывая ответ.

– Вы меня разочаровали, – произнесла она.

Это было из разряда обыкновенных женских штучек. Ее лицо изменилось, – словно распалось на составные части, и она даже прикрыла свои голубые глаза. Разговор как-то сам по себе заглох. Она допила свой абсент, а я – пиво, коря себя за длинный язык и излишний скептицизм.

– Вам не плохо? – спросил я и подумал, что ее надо хоть чем-нибудь накормить.

Я подошел к стойке.

– Кажется, ваша дама напилась, – заметил бармен.

– Вы находите? – спросил я и оглянулся.

Со стороны она действительно выглядела неважно. То есть с того момента, когда я ее оставил, она уже спала, опершись на руки, чудом сохраняя шаткое равновесие, и выглядела, как задумавшийся человек.

– У вас есть какая-нибудь еда? – спросил я.

– Вряд ли ей это сейчас надо, – философски изрек официант, и я с удивлением посмотрел на него.

У него были густые усы и неполадки с челюстью, потому что он все время шепелявил. Еще я вспомнил, что в разговоре с кем-то он называл себя «русским офицером». Его звали Федором, через «е». Фамилию я забыл.

– Послушайте, – сказал я, – это не ваше дела. Есть у вас еда или нет?

– Я ничего не буду!.. – вдруг произнесла блондинка и качнулась вбок.

– Ладно, – примирительно согласился я, ожидая, что она упадет лицом на стол, прежде чем я успею подойти, но она снова уснула в неудобной позе. Похоже было, что это ей не впервой. Между лопатками в вырезе майки я заметил уже знакомую наклочку в виде многогранника. Но не мог понять, что это значит, потому что ничего подобного никогда не видел, за исключением университетского учебника по геометрии.

– Я точно ничего не буду... – еще раз произнесла она, не открывая прекрасных глаз.

Можно было представить ее состояние. Должно быть, ей страшно хотелось спать и ее тошнило. Не думал, что сегодня мне придется возиться с пьяной женщиной.

– Она давно здесь? – спросил я.

– Появилась примерно часа за два до вашего прихода.

– Ага... – удивился я, потому что понял, что она умеет пить.

– Начала с местного безалкогольного – «мочи» (так на сленге назывался сорт местного вина из плодов хуэха), перепробовала все сорта, а закончила абсентом, – сказал бармен.

Он был солидарен со мной. Он понимал жизнь, но немного циничнее, чем я. Поэтому мне это не понравилось.

– Она ни с кем не разговаривала? – спросил я.

– Вначале с ней знакомился вон тот, – бармен показал на типа, который кидал на меня мрачные взгляды.

Теперь я понял, почему она заговорила со мной – моя внешность оказалась не такой зверской, как у того типа, который явно хотел только одного – переспать с ней.

– Понимаете, я, конечно, закажу разогреть гуляш, но она есть не будет. Я таких дамочек знаю. Вам лучше ее отвести домой. Вы знаете, где она живет?

– Знаю... – ответил я и вспомнил старый дом с гулкой парадной.

Даже если я привезу ее туда, надо будет еще найти ее квартиру, но неизвестно, какой сюрприз меня в ней ждет. К тому же она могла там и не жить. Лучше всего было отвести ее в гостиницу. У меня была карточка на две «ходки» в центр или на четыре – в любую гостиницу на окраине. Правда, возвращаться ночью оттуда мне было не с руки. А такси в это время суток ходило только по Невскому. К тому же завтра в восемь я должен быть в Пулково, поэтому я решил отвести даму в «Прибалтийскую» на девятнадцатую линию.

– Ладно, – сказал я, – где у тебя кабинка?

– Возьмите с собой пива, – предложил он, – утром ей надо будет подлечиться. – И гордый своим альтруизмом, показал рукой за стойку.

Я посмотрел и увидел в раздаточном окне двух китайцев, которые возились с посудой, а дальше за углом в коридоре – дверь со значком портала – буква П над приоткрытой дверью.

Вернувшись к столу, я подхватил одной рукой блондинку за талию, другой прижал к животу ее сумочку и коробку с пивом, которое приятно холодило бок. Когда она оперлась о стол, я обратил внимание, какие у нее красивые длинные пальцы с ухоженными ногтями. Она прильнула ко мне, словно Венера к Адонису. В таком виде мы продефилировали к portalу, как на тризну – величаво и грациозно, а она дышала мне в шею непринужденно, как верная жена. К ее странному запаху – сочетанию розы и серы, я почти привык (он даже стал мне нравится) и старался не думать о ее потрясающей груди. Грязный тип, который в течение всего вечера метал на нас мрачные взгляды, должно быть, страшно завидовал мне. В кабине я на мгновение выпустил ее из своих объятий – она даже не открыла своих прекрасных глаз, а твердо, правда, покачиваясь, утвердилась на своих каблучках, опустил пиво на пол, вставил карточку в аппарат, в списке на стене нашел название «Прибалтийская» и нажал кнопку. Предупреждающе три раза мигнул свет, и в следующие мгновение мы стояли точно в такой же кабине, но только в

гостинице «Прибалтийская». Вот, собственно, и весь портал. Простое, удобное изобретение, если у вас есть деньги, конечно.

В «Прибалтийской» сэкономили – вместо аппарата-портъе, за стойкой стоял тип, который мне сразу не понравился своим неряшливым видом и бесцветными глазами. Он ворочал шейю, повязанной грязным бинтом, словно ворот рубашки был ему узок. К тому же его рубашка из старомодного «пирила» в нескольких местах была прожжена сигаретой.

– Мне нужен одноместный номер, – сказал я, выволакивая блондинку из кабинки и ногой подталкивая перед собой коробку с контрабандным пивом. – В этом доме есть лифт?

– Даже если есть, я его ни разу не видел, – саркастически ответил он мне.

За что я не люблю портъе, так это за их гонор. Вместо того, чтобы молча выдать ключ и получить деньги, вначале они окатят вас презрением, потому что сами относятся к неудачникам, а ночные дежурства (не лучшее времяпровождение) настраивают на философские рассуждения, что способствует излианию желчи.

– Одноместных нет, – сказал он тоном, словно я облевал ему стойку, и дернул головой так, что, клянусь, я услышал скрип шейных позвонков. Коробку с пивом он тоже оценил, но сделал вид, что это его не касается.

– А что есть? – спросил я, не реагируя на его желчный взгляд.

– Только двухместные...

После этого он перевел взгляд на блондинку, оценил ее бедра, ноги и грудь, и я понял, что он похотливей любого козла. Можно было отбить ему рога, но блондинка висела на мне и вздыхала тягостно, как сирена. Ей снился третий сон.

– Не туда смотришь, козел! – заверил я его.

Он поморщился и выдал мне ключ.

Номер обошелся мне в четверть моих командировочных. В нем были две кровати, две тумбочки и двухстворчатый голограммный телевизор на кронштейне. На столе в вазе догнивал букет цветов. Зато над окном, затянутым сеткой от комаров, нависал широкий козырек, и капли дождя не залетали внутрь.

Я уложил блондинку в постель и задумчиво постоял над ней. В отношении женщин я всегда отказывался упрощать себя. У нее были голубые глаза, а мне нравились кареглазые брюнетки. Кроме того, меня ждали мой диван и Лаврова. На Земле я предпочел бы провести ночь с ней, а не с пьяной женщиной. А на Марсе – с Полин, как я ее называл. У нее была красивая фамилия – Кутепова. Вы не представляете, какое это создание. Я познакомился с ней в театре. Есть сто один способ испортить человеку вечер. Так вот, кто-то из приятелей, не помню, кто именно, кажется, однокашник Сашка Вольк, затащил меня по случаю на «очень модную пьесу». Мы сидели во втором ряду, и я откровенно скучал. Дело в том, что я не любил театр и не люблю до сих пор. И в тот раз я не включался в игру актеров до тех пор, пока на сцену не вышла она. Она играла бедную Лизу. Боже мой – на паузах, молчала, сколько надо и говорила, сколько положено, и была так искренна, что поразила меня в печень, то бишь в самое сердце. Как она заразительно умела смеяться. И потом, через много лет, мне тоже казалось, она это делает специально, чтобы позлить меня. Она была рыжеватая и нескладная. Я понял, что так задумано нарочно и даже подчеркнуто строгой юбкой и умеренным декольте. Она не была красавицей. Но если вы поговорите с ней пять минут, в вашей душе оставалось ощущение большего, что вы видели и слышали. Эта была ее тайна, которую я разгадывал долгие семь лет, пока мы были вместе. В общем, я был счастлив. Теперь мне тридцать пять, и я устал жить без нее. Я не разгадал ее и, наверное, никогда не разгадаю, но я безмерно ей благодарен за эти годы, в течение которых я ни разу не изменил ей, только безумно ревновал. Я подозревал, что такое же неизгладимое впечатление она производит и на других мужчин, но у меня хватило ума не отнимать у нее сцены, с которой она расставалась только один раз – в тот год, когда родила Наташку. С тех пор я ходил на каждый ее спектакль и каждый раз волновался, как впервые.

Вот о чем я подумал, стоя над блондинкой, и еще о том, что начинаю к ней привыкать, к ее странному запаху, но, клянусь, она не вызывала во мне никаких желаний, кроме здорового мужского интереса к незнакомой женщине. Я бы оставил ее отсыпаться в этой дешевом гостинице, но меня смущал портье с блудливыми глазами, и я был почти уверен, стоит мне уйти, как он явится сюда. В общем, я испытал что-то вроде ответственности за человека. Прикрыл ее пледом и рухнул на соседнюю кровать, пожалев, что как обычно на ночь не могу выпить таблетку «чинаусу» от малярии. В течение минуты я перещелкивал в новеньком трехмерном телевизоре каналы и цедил холодное пиво. Шли старые фильмы, порнуха и всемирные новости. Выступал президент. Он говорил о будущем, оно казалось безоблачным: ни нищеты, ни упадка, одно процветание. Он говорил о Марсе, как о дружественной планете, но в его голосе звучало сомнение. Он клялся, что любит свой народ – но я ему не верил.

Все пакеты каналов открыты по выходным! У телевизионных компаний не хватало средств, чтобы разнообразить программы. Да и кинокомпании не очень-то шевелились, а контрабандные фильмы стали большой редкостью. Впрочем, я любил земные фильмы, в которых действовали живые, а не виртуальные актеры – столь модные на Марсе. В этом отношении архаическая Земля предоставляла мне большой выбор.

Опять муссировались слухи о вторжении. На этот раз подкинули утку о «заинтересованности властей в смене режима», в чем обвинили пресловутых астрологов. Но и это было так обыденно, что и шевелиться не хотелось. Привычно шелестел дождь, и мне почему-то показалось, что все самое интересное может происходить только на Марсе. Впрочем, что меня там ждало? Скучная жизнь без алкоголя и доступных женщин. Гонка по пересеченной. Расталкивание локтями. Вечные кредиты и вечный страх потерять работу. К тому же, чего греха таить, Кутепова, которую я любил, стала бы мною вертеть, как только она умеет. Честно говоря, я уже отвык от этого. Куда спокойнее в одиночестве здесь на Земле с ее древними пороками. Наверное, это называется разочарованием в жизни, средним возрастом или просто мудростью. Пока ты молод, ты теряешь больше всех, потому что твои чувства обострены и ты хочешь охватить необъятное. Когда кончатся тридцатые, я буду уже старик, грустно подумал я, позвонил Лавровой, и у нас состоялся разговор из одних пререканий.

– Послушай, детка, так получилось... – проникновенно сказал в конце я. – Я занят, но нашел время позвонить тебе.

– Я очень рада, – желчно ответила она, – ты мне испортил вечер. Я убрала в твоей пещере, приготовила ужин, и мне страшно одиноко.

Мне показалось, что я услышал в трубке всхлипывание. Она иногда впадала в состояние лихорадочной неудовлетворенности, причина которой осталась для меня загадкой и выход из которой она всегда искала или в любви, или в... Опять она мастурбировала, понял я. На левой руке, в сгибе между большим и указательным пальцами у нее было точка МСТ – модифицированная сексуальная точка. В данном случае клитора – последний писк моды, завезенной с Марса. Но какое мне было до этого дело? Ее маленькие тайны меня не интересовали, впрочем, она меня в них не очень-то посвящала.

– Через неделю я прилечу, и мы наверстаем упущенное, дорогая.

У нее был всего лишь один большой недостаток: она любила спать в кровати по диагонали, и порой к утру я оказывался на полу среди своих бутылок и ее туфель.

– Не называя меня больше дорогой! – воскликнула она. – Я хотела тебя проводить, а ты... а ты!..

– Что я? – спросил я, уже раскаиваясь.

– Ты равнодушен, как все остальные!

– Это некорректно, – начал я, – сравнивать меня...

– Ключ найдешь под ковриком! – спокойно сообщила она.

Ну вот и все, а я считал ее самой покладистой женщиной. В отношении внешности она ни в чем не уступала блондинке, даже оттенком волос, но была почти оливкового цвета, и на нее оглядывались в толпе. Всем бы быть такой! Признаюсь, одно время мне даже льстило, что она выбрала меня. Но нас ничего не связывало, кроме постели и жизненных обстоятельств.

Я допил вторую бутылку и стал засыпать под говор дождя и звуки телевизора (в который раз показывали старый-старый фильм Квентина Тарантино «Криминальное чтиво»), когда в дверь тихо постучали. Блондинка спала, как пожарник, сложив руки на груди. При выдохе она делала так: «Пфу-у-у...пфу-у-у...» При этом губы ее смешно шевелились. В остальном она выглядела, словно мумия. Но даже в таком состоянии она была прекрасна и неприступна. Впрочем, я знал, что все красивые женщины неприступны, и не особенно расстраивался из-за этого. Еще я вспомнил о ее брелке с изображением многогранника и подумал, что верну его утром, когда она проснется.

В дверь еще раз постучали. Если это портье, то я его убью, решил я и встал, чтобы открыть дверь. За ней стоял незнакомый человек среднего роста в черной одежде. Не успел я его разглядеть, как он ударил меня по голове чем-то тяжелым. В следующее мгновение я понял, что меня куда-то волокут, и потерял сознание.

Глава 2

Планшетник

Первое, что я понял, когда пришел в себя, левая рука была прикована наручником к спинке кровати. Рядом кто-то странно хрипел, словно звуки принадлежали не живому человеку, а какой-то машине. Я с трудом повернул раскалывающуюся от боли голову и увидел в мерцающем свете телевизора, что блондинка по-прежнему лежит на постели, а из раны у нее на горле толчками вытекает кровь. С минуту я никак не мог понять, что происходит, словно это был знакомый сон наяву. Потом из угла выступил человек в черном и спросил:

– Что она тебе рассказывала?

Я приподнялся, чтобы сесть, но он прижал мне ногу правой рукой. Рука была в черной перчатке. Левую я не видел, потому что он держал ее за изголовьем, но мог поклясться, что у него нож.

– Что она тебе рассказывала? – снова спросил он, и угрожающе наклонился.

Этого оказалось достаточно. Правой рукой я схватил его за плечо и толкнул в угол под телевизор, а сам вскочил, выворачивая кровать из-под себя. Тяжелая сетка кровати соскользнула мне на ноги, но я даже не почувствовал боли. С грохотом упала тумбочка, и под ногами раскатились бутылки с пивом. В комнате стало почти темно. Ухватив кроватную сетку двумя руками и действуя спинкой, как тараном, я прижал человека к стене, а он попытался ударить меня ножом, но не дотянулся. Тогда он вывернулся, и я настиг его только в коридоре. Он снова пытался ударить меня, но мы оба поскользнулись на бутылках и упали. Человек в черном оказался проворнее – распахнул дверь и на четвереньках выскочил в коридор, а я не мог сразу подняться – кровать окончательно развалилась на части, а спинка, к которой я был прикован, лишила меня маневра. Когда я с грохотом вывалился в коридор, его и след простыл. Зато передо мной предстал ночной портье, брезгливо ворочая шеей в узком воротнике рубахи. Наверное, у меня был страшный вид, потому что он не посмел приблизиться ближе чем на три шага.

– Я так и знал!.. – простонал он, – что сегодня плохая ночь. То-то мне снились одни коты и бабы...

– Вызови полицию, – сказал я ему, оглядываясь, как дикий зверь.

Он с недоверием обошел меня и заглянул в разгромленный номер.

– Ты мне за все заплатишь! – заявил он вначале, а потом обнаружил блондинку и выскочил из номера, как пробка из бутылки.

– Ты убил ее! – закричал он, и двери в ближайших номерах дружно приоткрылись.

– Идиот! – сказал я. – Кто-то убил, когда я спал. Вызови полицию!

Но у него случилась истерика.

– Боже, что будет?! Что будет?! Я и так должен больше, чем весь третий мир! Что будет! Меня уволят! Что будет?! Что будет!

Насчет третьего мира – это была старая-старая поговорка времен моего деда, который был музыкантом. Никого третьего мира давно уже не существовало, а поговорка осталась.

Он орал, как сто кошек, о долгах, пособиях и виде на жительство. Оказалось, он тоже выслан с Марса. Если бы я об этом знал, то, наверное, не отнесся к нему с предубеждением. Правда, лично я предпочел быть высланным на Марс.

Мне самому пришлось взять его «трубу» и набрать номер ближайшего участка. Я назвал свою фамилию, и они явились минут через десять. Все это время, сидя на полу в коридоре, я безуспешно пытался избавиться от наручников. А портье спрятался за свою стойку и разглядывал меня оттуда безумным взглядом, не забывая упоминать всех своих родственников до

десятого колена, ворочая при этом шеей в узком, грязном воротнике. Он оказался поляком, помнящим свою родословную, как «Отче наш».

Первым влетел Пионов по кличке Бык.

– И это в мое последнее дежурство! – прорычал он, выходя из номера. – Не самое приятное зрелище!

Вторым, произнесшим очередную сакраментальную фразу, был Акиндин.

– Красота для венца, а ум для конца. Не иначе, не уступила кому-то. Переспал бы с такой?

– Нет уж... – Пионов понимал все буквально. – Дим, лучше спать со своей.

– Она же сбежала... – безжалостно заметил Акиндин.

– Ну и что?.. – пожал плечами Пионов, – все равно лучше.

– Как знаешь, дорогуша... – сказал Акиндин, и я заметил, что эта фраза не понравилась Пионову, но он промолчал. – Так ты, говоришь, вышел на стук? – спросил Акиндин у меня и подмигнул Пионову. Я понял, что мое дело дрянь – просто так они меня не отпустят. – Только не говори, что ты ее подцепил в баре.

Третьей была решительного вида кареглазая женщина с короткой стрижкой. Они называли ее Люсей. С обеих сторон рта у нее пролегли глубокие складки, а ногти на руках у нее были обкромсаны, словно топором. К тому же она покрасила их бордовым лаком никак не меньше недели назад.

– Господи! До сих пор не могу привыкнуть к виду крови...

Если бы ты курила поменьше, подумал я, тебе бы цена была побольше. Но от нее разило табаком, как от армейской казармы.

– Мы с тобой очень похожи, дорогуша, – заявил Акиндин, разглядывая ее ноги и зад.

Она сделал шаг в сторону и, брезгливо одернув юбку, заявила:

– Дима, успокойся, я не про тебя...

Глаза у нее при этом стали такими, словно она действительно готова была пустить кровь Акиндину.

– Я и не надеюсь, дорогуша... – многозначительно заметил Акиндин, и взгляд у него сделался масляным, как у барышника, оценивающего товар.

Потом она молча закурила, с любопытством разглядывая меня. В номер вошли эксперты и еще какие-то люди с испитыми лицами. Я устал возиться с наручниками.

– Тебе помочь? – ехидно спросил Пионов и присел рядом. Он возвышался надо мной, как термитник над пигмеем, а его огромный живот елозил по полу. – Ты что поменял привычки?

Он походил на жирного борова. Его длинные сальные волосы были усыпаны перхотью, а воняло от него прогорклым запахом, как от старого козла. И я был почти уверен, что местный климат угробит его еще до того, как он уйдет на пенсию.

– Ничего не менял, – сказал я. – Это не моя работа.

– А чья? – спросил он как будто сонно.

Я слышал о нем множество историй. Два года назад он утопил в Обводном канале какого-то бедолагу, вся вина которого заключалась в том, что он был замешан в махинациях со страховкой: поджигал машины и дома, а их владельцы делились с ним деньгами. В тот день у Быка было плохое настроение, а в бедолаге – не больше сорока пяти килограммов веса вместе с сандалиями. Дело обставили так: «представитель власти не превысил меры необходимой самообороны».

– Послушайте, – сказал я, – вы можете проверить у бармена. Мы сидели в «Юране». Я даже имени ее не знаю. Она напилась. Мне пришлось отвезти ее в гостиницу...

Но они уже пили мое пиво. Расхаживали по вестибюлю и рассуждали:

– Проверь, она была изнасилована?

Или:

– Как он ее ударил?

Или:

– Пятерка против твоей десятки, что она наркоманка.

– Похоже, это сделал этот человек.

И смотрели на меня, как на зверя.

– Рубль за то, что мы найдем нож в мусорном баке или в унитазе. Ха-ха-ха...

– Запиши для истории!

– Не забуду!..

– На твой сраный рубль даже не напьешься...

– Как хочешь...

Портье из-за стойки подал голос:

– Это он! Я сам видел...

– Что ты видел? – подскочил Акиндин.

Глаза его ретиво блестели стальным цветом, а поры на нездоровом лице источали жар.

– Он носился по коридору с этой кроватью...

– Фу-у-у... – выдохнул Акиндин. – А, может, это ты, Теодор Кашинский? Вернулся к старым делишкам?

Портье испуганно замолчал, и я вспомнил. Этот человек рассылал на Марсе бомбы, убил много людей, отсидел приличный срок, а потом был сослан на Землю. По моему мнению, у нас слишком либеральные законы, потому что такие люди не имеют права на жизнь. Но дело в том, что он был последним архаичным террористом, и его приберегли как фетиш.

Потом вышел эксперт и сказал:

– Судя по углу раны, действовал левша. Наркотиков не употребляла... Просто пьяна...

Следов изнасилования нет.

– Ты снял отпечатки с бутылок?

– Да, снял, – ответил эксперт. – Но ножа нет.

– Может, спросить у подозреваемого?

Тогда Пионов снова взялся за меня.

– Дыхни! Что вы пили?

– Я же сказал. Я – пиво, она – абсент.

– У нее был стресс? – спросил Акиндин.

– Понятия не имею, – ответил я. – Она не исповедовалась.

– Однако, – сказал Акиндин, – всякая вина виновата, – и с вопросительным видом уставился на Пионова, словно его начальник, руководствуясь подобными выводами, должен был повернуть следствие в нужное русло.

Потом я понял, что Пионов давно привык к глупым шуткам Акиндина, потому что они оба учились в одном университете и даже стажировались в одной полицейской академии. Но об этом я узнал гораздо позже, когда Акиндин нашел меня и предложил стать хлыстом – небескорыстно, конечно. Теперь же я безуспешно пытался справиться с наручниками.

– Человек постучал в дверь, а когда я открыл, он ударил меня по голове, – сказал я им, и они рассмеялись, словно услышали глупость.

Потом передо мной присела Люся и внимательно посмотрела на мое лицо.

– Он был в перчатках... – сказал я ей и проклял свою привычку пить по вечерам пиво. Лаврова сегодня была бы как нельзя кстати, пусть с ней и надо было заниматься любовью по первому требованию. Зато мы прекрасно ладили. Господи, ну почему я не пошел домой?! Почему?!

– Позовите врача, – сказала Люся, не оборачиваясь.

Пришел врач, посмотрел на меня, бесцеремонно покрутил мою голову и сказал:

– Удар тупым предметом, скорее всего свинчаткой, – потом добавил. – Обычное оружие ночных грабителей, если не хотят убить сразу.

– Да? – удивилась Люся задумчиво. – Но кого грабить? – Она с холодком взглянула на меня: – Как он выглядел?

– Среднего роста. Во всем черном...

Они почему-то переглянулись.

– Он вам известен? – спросил я. – Он вам известен!

– Ну что, начал за здоровье, а кончил за упокой? – подскочив, осведомился Акиндин. – На каторгу захотел, дорогуша?!

Он ошибался. Каторги на Земле давно не было. Вся Земля была каторгой. Но, кажется, Люся с Пионовым что-то сообразили, потому что она быстро сказала:

– Поехали в участок.

* * *

На стол передо мной швырнули пачку сигарет.

– Не курю, – сказал я.

– Как хочешь, – ответил Пионов и включил лампу, свет которой ударил мне в лицо. – Но правду ты нам все равно скажешь!

– Она пила абсент... – начал я снова, загоразживаясь от света, – и трепалась о каких-то инопланетянах.

Что я еще мог сказать? Они мне не верили. Они сидели напротив за массивным столом – все трое, включая Акиндина, хотя он еще ничего не понимал в нашей земной жизни.

– Видать, ты мало выпил, – заметил Пионов, – потому что врешь нескладно.

Взгляд его выражал профессиональное равнодушие. Привычка всю жизнь иметь дело с преступниками никому не идет на пользу. Он был даже циничнее нашего брата репортера.

– Не больше, чем вы, когда придушили Луку, – сказал я и вскочил, чтобы уклониться. Он ударил меня в грудь, и я был благодарен, что не в лицо, потому что только отлетел к стенке. При его силе он вполне мог оглушить меня. Я даже не упал, но почувствовал, какой чугунный у него кулак.

– Говори, да не заговаривайся... – равнодушно заметил Пионов, мотнув головой, как бык.

И я, подняв стул, сел на место. Акиндин подошел и приковал мою левую руку к ножке стола. А Люся сделала вид, что ничего не случилось.

– Вы думаете, что я ее убил, врезал себе по голове, а потом пристегнул себя в койке? – насмешливо спросил я, дергая рукой в наручнике. – А почему бы мне просто не выпрыгнуть в окно?

Но, похоже, они и не к такому привыкли.

– Нет, мы думаем, что ты сумасшедший садомазохист, – открыл карты Пионов.

– Тогда отправьте меня в сумасшедший дом, – заявил я, – где я напишу заявление тамошнему прокурору.

– На каждого мудреца довольно простоты, – важно заметил Акиндин, но к нему никто не прислушался, а Пионов перебил:

– Что она тебе говорила в баре?

– Обыкновенный треп...

Но это их не удовлетворило. Они хотели услышать еще что-то, но сами плохо представляли, что именно.

– Просвети нас, – попросил Пионов.

Мышцы на руках у него были такой же толщины, как мое бедро.

– Понятия не имею, сказала о каком-то вторжении. Я решил, что она перебрала.

– Правильно сделал, дорогуша, – согласился Акиндин. – Не буди лихо, пока оно тихо.

Люся криво усмехнулась. Я подумал, что она просто терпит помощника Пионова, как надоедливую муху.

– А подробностей не помните? – спросила она.

– Понимаете, когда женщина пьяна, ее не всегда слушаешь, – сказал я.

Я бы сказал ей, что от женщины ждешь совершенно другого, но она и сама это знала.

– Понятно... – кивнула она, не особенно обидевшись.

Пионов наклонился через стол, и я готов был снова вскочить, но вспомнил, что прикован к столу.

– Если ты нам начнешь впаривать о людях в черном, то мы будем допрашивать тебя без перерыва семьдесят два часа, клянусь, на вторые сутки ты расскажешь, какого цвета белье у твоей жены, и вспомнишь номер счета в своем банке.

– Клянусь! – ответил я громко. – Об этом все говорят, но никто ничего не знает!

Пионов стал красным, как помидор.

– Я разобью тебе голову! – предупредил он.

– Ну хватит! – Люся ударила ладонью по столу. – Тихо! Тихо! – Ее сигарета была продолжением ее указательного пальца, и в отличие от Пионова и Акиндина она стряхивала пепел в банку из-под кока-колы, которая служила им пепельницей. – Ладно! Предположим, ты говоришь правду. Тогда почему он тебя не зарезал?

– Понятия не имею...

– Значит, ты был с ним в сговоре! – ткнул в меня пальцем Пионов.

Стул под ним жалобно заскрипел.

– Послушайте, я вспомнил. В баре за ней пытался ухаживать какой-то тип. Вдруг они поссорились?

– Ага! – многозначительно произнес Акиндин. – Вспомнила кукушка песню!

– Фамилия, имя, где живет?! – тут же отозвался Бык.

Я никогда не терпел несправедливости. Правда, чего еще можно было ждать от полиции? Я уже имел печальный опыт. Он говорил мне – будь настороже. Может быть, это как раз тот случай, о котором предупреждал Арон Самуилович? Может быть, они в сговоре и хотят упечь меня в тюрьму, чтобы я никогда не вернулся на Марс?

– Тогда скажите, что вы хотите, чтобы я сказал?!

– Сператов, говори правду, – подался вперед Пионов. – И иди спать на нары. Кстати, который час?

– Четверть пятого, – ответила Люся. У нее было скучающее лицо. – Ну? – И я понял, что ее терпение истощилось.

– Какую правду?

– Боже! Он идиот! – всплеснул руками Пионов. – Сператов, ты плохо учился в школе!

Правда – это то, что мы должны услышать!

– Я ее не убивал! – выпалил я.

– Ладно, – сдалась Люся, барабанила пальцами по столу. – Ты не понял, мы – тоже. Тогда нас интересует, что ты делал поминутно с того момента, когда ушел из редакции. Учти, мы можем обвинить тебя в препятствовании отправлению правосудия.

– В оправлении чего? – переспросил я удивленно.

– Правосудия.

– Это как?

– Потом узнаешь.

– Хорошо, – согласился я. – У «Юрана» плохая репутация. Я сам удивился, увидев ее там. Проверьте, может, это был тип из бара. Может быть, ее муж выследил нас в гостинице? Узнайте, где она живет. Допросите этого Теодора Кашинского и соседей. Кто-то же что-то слышал или видел?!

О том, что я встретил блондинку утром, я почему-то решил не говорить. Что-то удержало мой язык. Инстинктивно я чувствовал, что могу только усложнить свое положение. Самое меньшее – начнут проверять и таскать с собой до самого утра. И, конечно, я не упомянул о планшетнике. В этом случае мне светило два года за разглашение военной тайны.

Люся пускала дымные кольца в потолок. Одно за другим они проплывали сквозь свет лампы и терялись в темном углу комнаты. Пионов качался на стуле, который готов был развалиться под ним, а Акиндин барабанил пальцами по столу. Его щетина за ночь превратилась в густую поросль, а «мышь» под носом разрослась до размеров кактуса, и он нещадно расчесывал себе шею и подбородок. Я неуверенно замолчал. Меня бесила их профессиональная тупость. Бык засмеялся первым.

– Почему вы смеетесь? – спросил я, выждав, когда первые раскаты его смеха смолкнут под потолком комнаты.

– Потому что ты вздумал учить нас, а сам несешь какой-то бред. Я восхищаюсь твоей фантазией.

– Я не вру... – обиделся я.

– Врешь, дорогуша! – убежденно сказал Акиндин. – Мне в жизни никто не вешал такой лапши на уши.

– Похоже, она недавно прилетела с Марса... – неуверенно сказал я, чтобы только угодить им.

– Это уже теплее, – заметил Пионов.

– Она тебе сама об этом сообщила? – спросила Люся, оживившись, и мне почудились в ее голосе человеческие нотки.

– Нет. Она вообще ничего о себе не говорила. Она просто напилась. Я подумал, что у нее неприятности на работе или дома.

– Почему? – спросил Акиндин.

– Да потому что такие женщины в бар «Юран» просто так не заходят!

– Еще одно слово, я и убью тебя! – пообещал Пионов. – Уразумел?! Колись быстрее, спать охота!

– Ничего я больше не скажу! – крикнул я. – Хватаете первого попавшегося под руку человека и пытаетесь из него сделать козла отпущения.

– Заткнись! – крикнул Пионов, резко подаваясь вперед. Ножки стула ударили по полу, а на его плечи упала порция перхоти.

– Да пошли вы все! – заявил я им. – Тоже мне начальники! Плевать я хотел на вас! Без адвоката слова больше не скажу!

– Что ты сказал! – Пионов рывком вскочил на ноги. – Что ты сказал!

– Я сказал...

– Что ты сказал?

– Что ты козел!

Он ударил меня в лицо, явно метя туда, куда ударил человек в черном, но я вертелся, как угорь на сковороде. В боксе подобные удары называются от локтя. Но даже такой неправильный удар при огромном весе Пионова был смертельным. Я упал, чуть не сломав руку, а они вышли из комнаты. Боль в руке была невероятная, я едва не потерял сознание и валялся, корячась, на полу.

Я не понял, почему они меня отпустили. Через минуту Люся вернулась в комнату и равнодушно, как врач, сказала:

– Ты свободен. Орудия убийства нет. Мотивов тоже. Так что можешь топать...

Если бы меня в тот миг спросили, буду ли я голосовать на следующих выборах? И хочу ли я вернуться на Марс? На первый вопрос я бы вообще не ответил, а на второй воскликнул: «Господи, Иисуси! Конечно, хочу!»

Она отстегнула меня, и я пошел к выходу по длинному коридору, пошатываясь и массируя запястье. Меня тошнило. Двери были неплотно закрыты. Кто-то жаловался:

– Она на меня плюнула!

– Да? – иронически спрашивал полицейский. – А еще ударила сумочкой. Это насилие! Зато из-за следующей я услышал.

– Он найдет и убьет его... – Голос принадлежал Акиндину.

– Какое нам дело – цинично ответил Пионов. – Присяжные все равно его оправдают из-за одного того, что по делу будет проходить Теодор Кашинский, да еще медаль дадут за борьбу с терроризмом.

В его словах послышалось презрение ко всему человечеству – хотя мода на терроризм давно уже стала немодной, инстинкт на уровне позвоночника срабатывал четко. А что было модным, никто не знал. Но терроризм по старой привычке был наказуем. Модным же стал сам развал цивилизации на Земле и перенос ее на Марс. А это уже было не в компетенции полиции и относилось к той категории суждений, о которой никто ничего не понимал. Я заглянул. Пионов разместился на столе и почесывал шрам на темени. Его непомерно широкие плечи, как снегом, были усыпаны перхотью. Акиндин, усевшись на стуле, исследовал свою щетину в зеркале. Почему-то он вступился за меня:

– Я против. Это не по правилам...

– Ты слышал, он невиновен...

Все-таки Пионов не любил, когда с ним спорили.

– Как это так?! – удивился Акиндин. – Надо узнать о его сексуальных наклонностях.

– Журналисты не насилюют мертвых женщин, – пояснил Бык и перестал чесаться. – Пора это запомнить. Больше, на что они способны – это внебрачные связи. Человек в черном – это серийный убийца, и мы должны его найти.

Акиндин в изумлении оторвался от зеркала. Он собрался что-то спросить, но Люся толкнула меня в спину, и мы вышли из полицейского отделения.

– Меньше пей с блондинками, – посоветовала она мне, – дольше проживешь.

Ее лицо, цвета шоколада, было бесстрастным, как облупившийся угол дома. Я так и не понял, на моей стороне она или нет. Меня отвезли на Английскую набережную. Асфальт, как лакированный, блестел под светом редких фонарей. На какой-то мгновение дождь закончился. Поговаривали, что когда-то в этом городе были белые ночи, но теперь они канули в Лета. В темноте нежно шелестел бамбук. Свой зонт я оставил в разгромленном номере гостиницы и моментально промок от капель, срывающихся с крыш и елей. Дворцовый мост – мне требовалось пройти пешком. Люся весело крикнула вслед:

– Никуда не уезжайте. Вы главный свидетель...

– Ой-ой-ой... – отозвался я.

И пару кварталов тащился, как зомби, сомневаясь – то ли занятие выбрал в жизни? Вышло, совсем наоборот. Или я рано родился, или не там? Но что-то в моей судьбе было не то. Какой-то дефект, изъян. А вдруг Пионов сам убил блондинку, чтобы его оставили на службе? – думал я. Подослал своих. Заварил кашу. А другие расхлебывают. Ничего себе, за хлебушком сходил, вспомнил я фразу из старого фильма «Хочу в тюрьму», уже не помню какого режиссера. Меня стошнило пару раз, и я прижимался лбом к остаткам гранитного ограждения реки, рискуя свалиться в воду, где меня караулили гребнистые крокодилы. Страшно хотелось спать. Потом порыв ветра с Невы привел меня в чувства. Под ногами хрустели жуки-плавунцы величиной с ладонь. Какой-то особенно шустрый врезался мне в лоб. Болела голова, левая рука раздулась, словно груша, и я ничего не соображал. В довершение всего в кране не было воды – ни холодной, ни горячей. А когда я взглянул на себя в зеркале, то удивился тому, что еще не умер – правая часть лица была синюшного цвета. Теперь я ничем не отличался от Луки в прекрасные моменты его бурной жизни. Впрочем, сейчас я вряд ли бы узнал человека в чер-

ном. В пылу борьбы его лицо было так ожесточено, что могло принадлежать лучшим героям лучших лент Голливуда. Уж казалось, как хорошо я их знаю. Не успел я стащить с себя мокрую майку, как в дверь постучали. Быстро же «они» меня нашли, подумал я, не имея понятия, кто «они», просто «они», потому что за мной кто-то шел до самого дома. Правда, стук в дверь – это джентльменский прием. Я взял из тумбочки револьвер, взвел курок и подошел к двери.

– Кто там? – спросил я, на всякий случай отступив на шаг в сторону.

– ...По поводу ночного происшествия... – Услышал я мужской голос, секунду подумал и открыл дверь, словно мне мало было приключений на сегодняшний день.

За нею стоял невзрачный лысоватый мужчина с зонтиком в руках. Он был в майке, хлопчатобумажных брюках и в сандалиях на босую ногу. На пол под ним натекла порядочная лужа. Значит, он долго стоял перед дверью, прежде чем позвонить. На убийцу он не походил – вид у него был потертый.

– Я могу вам помочь... – сказал он, просовывая голову в приоткрытую дверь.

У него были лакейские приемы мздоимца.

– В чем? – удивился я, пряча револьвер за спину и отступая в глубь коридора.

Он расценил это как приглашение войти и бочком проник в квартиру. Дальше коридора я решил его не пускать. Мне было не до гостей. Я намеревался выпить таблетку аспирина и хотя бы час поспать перед тем, как улететь в Севастополь.

– Вы позволите...

Он оттеснил меня дальше – в комнату.

– Разрешите... – И сел на диван.

– Ну ладно, – сказал я, теряя терпение. – Чего вы хотите?

Больше прятать револьвер не имело смысла, и я положил его перед собой на книжный столик.

– Я из мэрии, – вкрадчиво сообщил гость, косясь на него бесцветными глазами. – Через меня проходит вся конфиденциальная информация... Вы коснулись государственных интересов, а это очень серьезно...

Пресловутая шестьдесят третья реестровая статья гражданского кодекса – обязательная к исполнению под страхом лишения живота: «чиновник любого ранга, равно как и медицинский работник, обязан донести выше, если он столкнулся с проблемой, имеющей отношение к военной тайне, государственной безопасности и к политическим партиям».

– Ну и?.. – спросил я.

– Здесь надо взвешивать каждый шаг... – добавил он многозначительно. – Вы понимаете меня?

– Нет... – признался я.

Голова раскальвалась так, что я действительно ничего не соображал, а мой журналистский опыт говорил о том, что это мелкий чиновник. К тому же я совершенно не помнил его лица. Но что он от меня хочет?

– Заплатите мне тысячу рублей. А я выдам вам секрет...

– Какой секрет? – удивился я и подумал, почему так мелко?

– Господи... – Он перекрестился. – Вы же сами... ночью... прикоснулись...

– К чему? – удивился я.

– К проекту «черные люди»...

– А... эта женщина? – догадался я.

– Эта не женщина, – деловито сказал человек. – Это инопланетянка.

– Астрос, что ли? – спросил я насмешливо.

– Нет, просто у нее сдали нервы. То, что разбилось в Севастополе, имеет к ним непосредственное отношение.

– Я вам не верю, – сказал я и, наверное, рассмеялся, если бы был на это способен.

– Придется проверить, – сказал он, – у вас и так будут неприятности.

– Какого рода? – спросил я.

– Вы главный свидетель, – сказал он, – и очень лакомый кусок для спецслужб, разведок и всякого рода проходимцев. На вас спустят всех собак, если уже не спустили. Вы же знаете положение вещей: когда речь идет о государственной безопасности, человек всего лишь винтик. Не дай бог, за вас примется группа по исполнению внесудебного решения.

– Что это значит? – не понял я.

– Заказ по проблемным признакам... – равнодушно пояснил он. – Группа «кальпа»...

– И такое есть? – спросил я, хотя был не так наивен, как он, очевидно, полагал.

Ряд таинственных немотивированных убийств, прокатившихся по городу и области – все списывали на серийных убийц. Оказывается, это дело рук какой-то «кальпы». Может быть, исчезновение Мирона Павличко тоже их работа?

– Разумеется! – воскликнул он. – Кроме этого вас будут всячески дискредитировать, но это только на первом этапе, если вы сумеете что-то раскопать... Вы будете копать?

Я пожал плечами. Я даже не знал, доживу ли до завтрашнего вечера – при нашей-то жизни.

– Вам никто не будет верить. В газетах появятся соответствующие публикации... И все забудут. Обычная история... В лучшем случае...

– Идите вы... – сказал я, раздражаясь, ибо он влез в то, в чем я и сам хорошо разобрался.

Но он не обиделся, только поморщился, и на его лице появилось кислое выражение, словно он привык к подобному обхождению.

– Послушайте, я знаю вашу историю с «Топиком». Вы тот, кто может перевести критическую массу домыслов в логическое русло фактов.

Действительно, после публикации моих статей, акции «Топика» были сняты с торгов промышленной биржи. Но на Марсе это не изменило общую картину казнокрадства и подкупа чиновников – я не исключил вероятности того, что моими руками просто устранили конкурента, а меня списали на естественную убыль. Конечно, мое самолюбие было задето, но это не значило, что я собирался копаться в этой истории по возвращении на Марс.

– Ну и что?... – спросил я.

Сегодня мне не хотелось играть роль журналиста-пронеры.

– Господи! – воскликнул он. – Вы не понимаете?! Правительство специально нанимает секретных агентов, чтобы пугать особо несговорчивых.

– Кажется... – сказал я, – но я не ваш герой. К тому же у меня нет денег и не предвидится в ближайшем будущем.

Но и на этот раз я его не обескуражил.

– Не беда. Можете платить мне по частям раз в неделю или раз в месяц...

Я только хмыкнул, выразив таким образом недоверие к его словам.

– Да поймите же вы, неразумный человек, как только вы опубликуете репортаж о людях в черном, деньги посыплются на вас дождем. К тому же я придержу информацию о женщине в гостинице, а вы раньше времени не попадете в черный список врагов правительства.

– Где гарантии, – возразил я, – что вы тот, за кого себя выдаете?

Он пожал плечами.

– У вас нет выбора. Сумма и так небольшая. Можно сказать, смехотворная.

– Ладно, – легкомысленно сказал я, не очень веря ему, – только если посыплются...

– Даже не сомневаюсь! – радостно заявил человек. – Но теперь и мне нужны гарантии...

– Какие? – удивился я.

– В виде задатка.

Дулом револьвера я подтолкнул ему свои полосатые шорты. Голова раскалывалась на части. Особенно меня мучил звук дождя за окном. Хотелось одного – завалиться спать.

– Возьмите все. Больше у меня ничего нет.
– Вас специально держат в черном теле, чтобы вы не роптали? – спросил человек из мэрии, брезгливо очищая мое портмоне.
– Оставьте хоть десятку, – попросил я.
– У вас здесь полно мелочи, – заявил он мне.
– А... – удивился я его наглости, – и на этом спасибо.
Должно быть, я плохо соображал, что делаю.
– Я появлюсь через неделю, – сказал он. – К этому времени вы разбогатеете.
– Вашими молитвами, – согласился я и подумал, что он так и не рассказал мне о проекте людей в черном. Все-таки странный у него был бизнес. Уже светало. Я даже не пошел закрывать за ним дверь, а рухнул на диван. Единственное, я не подумал, что этот странный человек сам может быть причастен к инопланетянам, но мне было не до рассуждений.

* * *

Я принадлежу к первому поколению людей, родившихся на Марсе, который колонизировали в 2074 году. К тому времени люди научились преодолевать радиационный пояс Ван-Аллена и кольца астероидов. Поговаривали, что лет за семьдесят до этого на Марсе уже были первые американские колонии, но ряд катастроф с человеческими жертвами, а также обнищание США затормозили программы освоения планеты больше чем на четверть века. Мой отец был армейским врачом в составе знаменитой девятой бригады, которую кинули на завоевание северного полюса – стратегическую точку планеты, в которой было сосредоточено половина запасов воды. Вся операция заняла сутки. За это время бригада развернулась в районе Пика Вечности и была готова к бою. Потом прибыли другие, но именно девятая штурмовая была первой. Однако к тому времени американцы были уже не той воинственно настроенной нацией. В их поведении появились человеческие нотки. Впрочем, с истощением экономических ресурсов терпения им было не занимать, их стратегические силы едва насчитывали пятую часть от былой мощи, а территория сократилась на две трети. В общем, это было не их столетие. Война между Россией и США, о которой с упоением кричали все газеты и телевидение, так и не состоялась.

Итак, было много шумихи в прессе, в ООН, но, как известно, победителей не судят. К тому же капитал, не имея национальности, вкладывал деньги в Марс столь стремительно, что результаты были налицо уже через несколько месяцев. Правительства и общественность развитых стран пришли к мнению, что для эффективного использования ресурсов планеты действия России «носили исключительно организованный порядок и способствовало демократии». Кто придумал эту глупую фразу? Разумеется, американцы-пацифисты, потому что, оказывается, воевать – это бяка.

Вначале наши военные применяли субантарктическое оборудование: тяжелые скафандры, полная изоляция от атмосферы, гарнизон стремительно зарывался в окрестные льды и в горы с помощью мощных думперов. Первые дома походили на улья – их строили из подручного материала – краснозема. Внутри было тесно, темно и сыро, но тепло. Разумеется, все это я знал не только по рассказам родителей. К сожалению, домашние предания в детстве меня мало интересовали. Хотя много позднее я записал их и издал. Когда женам военных разрешили присоединиться к их мужьям, на севере уже пользовались облегченными изолирующими костюмами, а льды растаяли отступили в верховья долин.

Гарнизоны стояли еще несколько десятилетий, и я прекрасно помню собачий холод, горный пейзаж и снежные бури, которые случались с предсказуемой регулярностью. Наш дом находился на пологом склоне горы. Я родился в 2079 году. А к 2094 году на Марсе появились растения, и воздух улучшился настолько, что можно было пользоваться дыхательными филь-

трами. В складках местности уже блестела зеленоватая марсианская трава и мох, а в долине образовалось розоватое озеро, в котором водилась первая марсианская рыба – колюшка – столь голодная, что ловилась на пустой крючок. Цвет неба постепенно менялся на голубой, а закаты стали розовыми. На склонах гор высаживали березу-копеечницу. К тому времени, когда я заканчивал школу, озеро соединилось с океаном и получился залив, в котором плескалась морская рыба. Я помню те прекрасные дни, когда бродил с удочкой по окрестным озерам и ручьям, в которые водилась форель и кумжа. В сухих долинах были проложены гигантские трубы, по которым в южные районы перекачивали воду, где она перерабатывалась не только в горючее, но и служила сырьем для создания парникового эффекта в атмосфере. Купола атомных генераторов торчали по всем побережьям морей. К тому же на северном полюсе обнаружили богатые залежи редкого металла – теллурия, который стал вторым эквивалентом денег. Обладая такими же свойствами, что и золото, он был небесно-голубого цвета.

Теперь северный и южный полюса принадлежат международным корпорациям, которыми управляют все те же американцы. Выходит, мы зря старались. Но однажды отец мне объяснил, что не дело военных совать нос в политику. Мир несправедлив хотя из-за того, что мой отец потом и кровью добывал для «Топика» право наживать баснословные деньги и плевать на всех остальных. Теперь он имеет крохотную пенсию, дачу на шести сотках земли, где и выращивает земные розы и клубнику. Законы писаны только для обыкновенных смертных.

Помню первый шок, который я испытал, попав в город. Гигантские здания. Море огней. И шум машин. Только-только стали появляться автомобили. Но когда я учился, Балтика в низине Гусева уже была и Финский залив блестел, как ртуть, под холодным солнцем. Впрочем, климат менялся на глазах: к концу учебы лето стало таким же теплым, как и в средней полосе России. Я закончил марсианский Санкт-Петербургский университет и стал работать в газете. Дальше вы все знаете. Земля пришла в упадок. Население целых городов в одночасье переселялось на Марс. Спрос на рабочие руки был необычайно высок. Цены на жилье росли, а пространства вокруг городов было необжитым и не загаженным. К тому же освоение космоса только началось, и в планы человечества входило колонизация ближайших галактик, где оно искало небольшие каменистые планеты, на которых температура не превышала двадцати градусов и не опускалась ниже нуля. Космические путешествия внутри солнечной галактики стали обыденным делом, и времена старых паровых ракет миновали. Зато началась эра энергоимпульсных генераторов, работа которых была основана на принципе лавинообразного разделении частиц, которыми обстреливали эргосферу черной дыры. Всего-то надо было в центре галактики геостационарно разместить систему парных спутников. Тем более что стартовать с Марса было в сто раз дешевле, чем с Земли. Почему-то в связи с этими проектами упоминалась все та же корпорация «Топик».

* * *

Но какое значение имело это для нас – землян, застрявших на этой несчастной планете? Никакого! Абсолютно!

Леха бодрый, как блоха, сидел в подвальной рюмочной. Перед ним торчал запотевший графин водки и стакан молока. У него была странная теория, которую он услышал в каком-то старом боевике с участием Тима Роти и Аманды Палмер в главных ролях: если в водку добавлять молоко, то это уменьшает риск заболевания язвой желудка. Кроме этого мы с Лехой считали водку национальным напитком и обычно пропускали с утра по рюмке в качестве патриотичного поступка.

На Лехе были армейская майка и зеленые шаровары. Он был тщательно выбрит и полностью экипирован: рядом с ним на полу стояли дорожная сумка и кофр с аппаратурой. Из-под мышек торчала рыжая поросьля, а прическа на голове называлась, кажется, «а-ля петушок».

Когда я попал на Землю, Леха спас меня от отчаяния. Две недели загула по злачным местам города притупили боль одиночества. Не лучший вариант, но что мне было делать, ведь даже Лаврова не заменила мне семью.

– У тебя и видок... – заметил он, протягивая мне рюмку водки. При этом он забавно покрутил многострадальным носом, что выражало высшую степень азарта.

– На себя посмотри, – буркнул я.

Водку я понюхал и выпил. Сразу полегчало. В чем-чем, а в водке Леха разбирался, к тому же она была холодная, что давно стало редкостью в нашем климате, а местное сладкое вино из фиником мы с ним дружно презирали, хотя местные напитки можно было употреблять без опасения отравиться. Однажды мы с Лехой позарились на дешевый румынский коньяк, от которого краска пузырилась на полу, но, слава богу, в тот раз мы выжили, правда, у Лехи с зубов сошла эмаль, но это, как говорится, детали.

– Так, чтоб мы с тобой не дрались, ты едешь или нет? – спросил он, меняя тон и справедливо полагая, что раз я явился без вещей, то подобный вопрос не является праздным.

– Я предлагаю заняться другим делом, – ответил я, морщась от головной боли, и с благодарностью подумал, что на Леху вполне можно положиться во всех случаях жизни.

– Боюсь, главный этого не одобрит, – заулыбался он, закусывая бананом и напоминая мне лишний раз, что мой статус в редакции не настолько высок, чтобы мне самому принимать решение.

Волосы на его голове, торчащие во все стороны и окрашенные на кончиках в белый цвет, напоминали сосульки, о которых он не имел ни малейшего представления, потому что родился и вырос в жутком тропическом климате. Леха вообще много внимания уделял своей внешности. Однажды он позавидовал мне – решил коротко подстричься и пошел в парикмахерскую. В тот момент, когда мастер добросовестно выстриг правую сторону головы, сломалась машинка. Леха прикрылся платочком и перебежал в соседнюю парикмахерскую. И здесь ему не повезло. На оставшейся левой части ему успели состричь половину чуба – и отключили электричество. Не знаю, как он выкрутился в тот раз, но, кажется, полдня ходил страшный, как тифозный больной.

– Ясное дело, – согласился я и добавил: – Ты пойдешь и скажешь, что я напал на жилу. Скажешь, что газета через два дня взлетит на триста тысяч тиража, нет, скажешь – на пятьсот, как минимум.

– Не пойду... – сказал Леха, цедя водку, как воду. – Иди сам.

– Я могу и не дойти.

– А я дойду? – удивился он, картинно ставя рюмку на стол.

– Ты дойдешь, – заверил я его, – недаром я колесил по району два часа.

– За тобой следят? – догадался он.

– А то... – ответил я не без гордости.

– Интересно, кто? – спросил он, полный скептицизма.

– Черт его знает. Полиция – точно, и еще какие-то люди.

На самом деле я заметил лишь одного человека, который повел себя очень странно: при моем появлении во дворе он спрятался за кедр так поспешно, что вспугнул белку, которая обычно надоедала мне под окном своим цоканьем. Я не придавал значения – мало ли кто шляется в нашем квартале, а приврал для красивого словца. Мало того, я проверился – свернул за угол и подождал – из арки вышел только маленький полковник, которого я, конечно же, не интересовал.

Леха снова покрутил носом, но теперь с явным осуждением, ведь если об этом сообщить главному, он ни за что не согласится на расследование подобной чуши.

– Ты пойдешь и скажешь ему, что объект, разбившийся в Севастополе, имеет отношение к инопланетянам. Может быть, это правда, а может, и нет. Не знаю. Скажешь, что я прохожу свидетелем убийства одного из них. Он поймет, что это сенсация. А потом поможешь мне.

– А долг простишь? – лукаво спросил он.

– Прощу, – пообещал я, вздохнув.

Проглотив для профилактики от каких-то желудочных бактерий две рюмки водки с молоком, он ушел, а я подумал, что если субъект из мэрии врет или даже он вообще не из мэрии, то у меня будут большие неприятности. С минуту я рассуждал на эту тему, а потом плюнул – слишком мало информации, чтобы прийти к какому-то решению. Возможно, человек в черном просто маньяк или даже серийный убийца. Ну и пусть, подумал я, тоже неплохо. Правда, не то, что я ожидал... но лучше так не рассуждать. Хотя что-то мне говорило, что я прав. А если это так, то я действительно напал на золотую жилу.

Я просидел в рюмочной часа два, выпил всю водку, заказал еще и начал уже беспокоиться. Отсюда до редакции два шага, а Леха не из тех, кто медленно ходит. Наконец в окне мелькнул его рыжий зонт, и он ввалился, радостный, как медный тазик.

– Ну?! – нетерпеливо спросил я.

Он загадочно улыбнулся, бросил на стол газету и сложил зонт, намеренно затягивая время. При его выдержке быть ему разведчиком. Потом проверил в зеркале, висящим на стене, свою прическу, которая называлась, кажется, «Сосульки на морозе».

– Ты что в парикмахерской был?

– Да... – сказал он, подбоченясь.

– Леха, – сказал я назидательным тоном, – первое впечатление можно произвести только один раз.

– Ну и что, – легкомысленно возразил он, – все женщины для меня, как в первый раз.

– А с таким зонтом нас точно засекут, – заметил я, стараясь побыстрее не выпустить пар.

– Не засекут, – ответил он, не отвлекаясь от своего занятия. – Мы с главным все обсудили. – сказал он, слюнявя палец и восстанавливая перышки в шевелюре. Потом сел за стол.

– Так вы там обсуждали?! А я здесь волновался.

– Главное, что он дал добро. За самые достоверные сведения – премия двадцать тысяч!

– Коричневым чеком, – согласился я.

Дело в том, что коричневый чек нельзя было опротестовать.

– Попролам, – воодушевленно добавил Леха. – А теперь слушай. Он уже в курсе. Не знаю откуда, но кто-то принес в клювике и сбросил ему. Но там ничего не ясно. Так что тот человек нам не конкурент.

– Я думаю, это Лука, – высказал предположение я.

– Может, Лука, – согласился Леха. Виски у него были бритые, а корни волос черные, и это при рыжем свете кожи, хотя можно было допустить, что это такая сложная окраска. – У него везде свои люди. А может, еще кто-нибудь. Но они точно ничего не знают. Так – одни слухи и догадки. Он дает нам три дня. Работаем автономно: без необходимости не звоним и не докладываем, чтобы не светиться. Я заскочил домой и взял кое-что из аппаратуры. – Он похлопал по карману. – Схема следующая: ты наживка, я – рыбак. Все записываем. Но ты вначале газету почитай, почитай... – В глазках его плавали искры смеха.

Я не обратил внимания на претенциозную статью на первой странице, посвященную положению в стране. В этой статье за отсутствием надежной информации муссировались слухи и домыслы, основным лейтмотивом которых были пресловутые «зеленые человечки». Я перевернул, третью и четвертую с сообщениями об очередных серийных убийствах, произошедших за сутки в различных районах города. Я не задержался на аналитическом обзоре экономического положения страны, который был полон дифирамбов в адрес правительства. И только на развороте шестой и седьмой, в разделе криминальной хроники обнаружил фотографию

какой-то женщины, меньше всего походившую на блондинку, а под заголовком: «Кровавая разборка в центре» сообщалось следующее: «Сегодня ночью в гостинице «Балтика» была зарезана туристка, прибывшая накануне с Марса. Полиция предполагает, что это дело рук неуловимого серийного убийцы, которому полюбились светлокожие иностранки. Ведется расследование. Прокурор заявил, что дело взято под его личный контроль». Это было уже что-то, потому что обычно прокурор не давал без особой нужды никаких обещаний.

– Один тип из мэрии меня уже предупреждал, – сказал я, – что кто-то наверху занимается дезинформацией. Похоже, он прав.

– Это точно, – согласился Леха. – Я ведь уже проверил. – У него была поговорка: «Для бешеной собаки несколько километров не круг». – Не поленился сбегать, пока ты здесь водку лопал. Ничего в «Балтике» не было. Ни перестрелки, ни поножовщины. Ерунда какая-то. Кто-то хочет свести к обычной уголовщине. – Потом он подумал и спросил: – А ты сам-то уверен?

Я сунул ему под нос распухшую руку.

– Ну ладно... ладно... – примирительно согласился он. – И морда у тебя расплосована, как арбуз...

– Первым делом мы отправимся в морг, – сказал я, не обращая внимания на его зубоскальство. – Поговорим с Шуриком Бондарем.

– А потом? – спросил он, все еще скоморошничая.

– А потом – в «Прибалтийскую», обобщем номер, вдруг что-нибудь найдем. А?

– Может, и найдем, – согласился Леха, – а может, и не найдем, кто знает? Потом?

– Потом видно будет. Ты слышал что-нибудь о группе «кальпа».

– Нет, – сказал Леха. – Это новый рок?

– Хватил философствовать, – сказал я. – Пошли.

Он вышел первым через черный ход. Я подождал. Вы спросите, почему я ничего не сказал Лехе о таинственной группе «кальпа»? Очень просто – иногда он работал в паре с Лукой, а я не хотел открывать карты раньше времени. Леха мог проболтаться просто из-за неведения, а Луке палец в рот не клади. В любом случае существование таинственной группы было сенсацией. Потом я покинул рюмочную через центральную дверь. Нам нельзя было хотя бы в начале «светиться» вдвоем.

* * *

Город был полон испарений. Над крышами стоял утренний туман. Половину пути ничего не происходило. Я слушал в ухе Лехину болтовню:

– Они ж мне только с резинкой дают... какая здесь личная жизнь... А потом... знаешь, мне ведь одни Татьяны нравятся (вот почему я не знакомил его с Лавровой), и все они сейчас какие-то странные – деньги им подавай. А я из принципа живу без денег! Есть деньги – хорошо, нет денег – тоже неплохо.

– Похоже, я знаю не всех твоих приятельниц, – похвалил я его.

– Конечно не знаешь! Откуда? У меня знаешь, сколько Татьян?! Ого-го-о-о!.. Одна, представь себе, мазалась мочой, чтобы не стареть. Нет чтобы молчать в тряпочку, так она однажды, когда мы лежали в постели, похвасталась, представляешь? После этого я стал к ней принимать. Так и расстались.

Ему нравились все женщины, но никто в concreto. Он цеплял их в барах и на вокзалах, в подворотнях и в издательствах, и все были Татьянами, но ни с кем из них у него не было постоянных отношений.

– А кто тебя кормит? – спросил я.

– Конечно, они... кто же еще?.. – захихикал он в моем ухе так, что я потряс головой.

Однажды он влюбился. Это тоже случалось часто. И потащил в кафе знакомиться с актрисой – Ларисой Г. – грубовато-чувствительной брюнеткой, с большим влажным ртом и светло-зелеными глазами. Чуть-чуть крупноватой для него. Он влюбился в нее в виде исключения. Единственное, что останавливало его от следующего шага – ее собачья преданность. Она сама ему говорила: «Я собака. Я предана, как собака, и ничего с собой поделывать не могу...» При этом она пожимала вовсе нехрупкими плечами и закатывала глаза по всем правилам оболыщения – в общем, кокетничать она умела. Леха ее терпел, потому что в ее привязанности было что-то болезненное, и пока она оставалась для него тайной и он не мог разгадать ее, она могла быть спокойной, как может быть спокойна вода, когда ее льешь в серную кислоту. Не скрою, по отношению к себе я чувствовал ее странный интерес. Но мысль о том, что ее руки будут сжимать мой член, приводила меня в легкое замешательство. Я слишком любил собственное тело, чтобы поступать с ним таким необдуманным образом. Она снималась в пилотном многосерийном фильме – иногда в центре, иногда где-то в Сестрорецке, но неизменно появлялась по субботам в кафе «Классика» на Тифлисской, и вначале Леха ходил по ней с ума. Я догадывался, почему он не женился на ней. Причиной была ее опытность, которую она не прятала. Наверное, у нее был такой период – период демонстрации опытности. Позднее у меня появилась возможность убедиться в этом. Конечно, она не была слишком откровенной, но кое-что я все-таки узнал, что, разумеется, в ее глазах не было тайной. Обычная карьера столичной актрисы: кинематографический институт, съемки, и он – бывалый режиссер, который на полгода стал ее первым мужем. Она не взяла его фамилию, но снялась в его сериале. Впрочем, меня это мало интересовало. Можно сказать, что в те дни, когда я потерял счет времени, Леха спас меня: она оказалась идеальной любовницей. Прежде чем появиться, тактично предваряла свой визит телефонным звонком. Когда необходимость в этих звонках отпала, мы расстались. Я до сих пор благодарен ей и Лехе. Потом появилась Лаврова, но это уже другая история.

Наконец он помолчал и сообщил:

– Остановись на мосту, а то за тобой двое так чешут, что готовы добежать до Московского минуты за три.

Я послушался и остановился. Меня обогнали два типа: высокий и низкий, оба в легких куртках, и я понял, что под одеждой у них спрятано оружие – их допотопные полицейские нейтрализаторы, в простонародье – глушители мыслей, продукт устаревших технологий «первой странной войны». Насколько я знаю, это оружие при применении издавало запах ночной фиалки. Я пожалел, что оставил свой револьвер дома. Они дошли до позеленевших коней Росси и закурили, уставившись на воды Фонтанки. Сеял мелкий дождь. Рядом с опорами изпод воды торчала рубка прогулочного катера.

Я оглянулся и едва разглядел Леху – маленького, коренастого, плотно сбитого. Даже фамилия у него была соответствующая – Круглов. Его камуфляжная майка и шаровары неимоверной ширины, в карманах которых можно было найти все, начиная от шурупа и заканчивая фонариком, совершенно растворялись на фоне буйной зелени. К тому же зонт идеально повторял форму карликовых дубов – единственных рукотворных деревьев, которые были высажены до Фонтанки вдоль Невского. Перед тем как покинуть рюмочную, я вставил себе в ухо «ракушку» – приемопередатчик, который использовал лобную кость как фазовую антенну с направленным лучом. Засечь такой источник было крайне трудно, но и разговаривать с помощью его можно было только на расстоянии не более восьмиста метров. Информация в «ракушке» шифровалась и дешифровалась с такой скоростью, что это практически не отражалось на наших разговорах.

Мои соглядатаи выкурили по сигарете, потоптались и перешли на другую сторону. Зато на мост ступила женщина под прозрачным зонтом. Я перегнулся, посмотрел на воду, плюнул на затопленную рубку, обошел коня и ступил на берег Фонтанки.

– Они идут следом... – Услышал я голос Лехи и резко остановился.

Полицейские сделали вид, что рассматривают тротуар. А что им еще оставалось делать? В этом месте Невский был слишком широким, и акации еще не сомкнули кроны над крышами домов, поэтому я разглядел полицейских лучше. Низенький был сладострастным убийцей. У него было широкое, как блин, лицо в ярких девичьих веснушках и пухлые детские губы. Высокий был злым, как черт, черным, как может быть черна зола, узколицым и сухим, как щепка. Вместо общепринятых сандалий, он носил высокие туфли с острыми носками и металлической вставкой на каблуке. Мне стало ясно, что в такой обуви из пижона плохой бегун. Вначале я их «дернул»: сделал два быстрых шага вниз к воде. У них была плохая реакция, но оба тут же взмокли от лишних усилий. Климат не располагал к нагрузкам. Я вздохнул с облегчением – они не были уполномочены стрелять. После этого я демонстративно сложил зонт, чем привел их в боевую готовность. Они просто не знали, с кем связались. У них не было никаких шансов. Дело в том, что у жителей Марса легкие больше, чем у землян, а сердце выносливее за счет разряженной атмосферы. К тому же все предыдущие годы я регулярно занимался бегом, а в детстве – спринтом на лыжах. В университете же я был чемпионом на длинные дистанции.

Следующие десять минут я бежал: Графский переулок, улица Рубинштейна. Все эти улочки мне были хорошо знакомы. Владимирский проспект, Дмитриевский переулок, Стреленная. Снова Графский переулок и Фонтанка. Вначале за спиной топал высокий. Но даже злость ему не помогла, и он постепенно отстал. Низенький оказался выносливее, и напоследок мне пришлось нырнуть в арку дома, заросшую диким плющом, пару раз резко поменять направление, но всякий раз, когда я уже думал, что рыжий запутался в лабиринтах дворов-колодцев, он выскакивал откуда-нибудь, как черт из табакерки. Наконец мне это надоело. На набережной я перешел с трусцы на спринт, легко оторвался от него, а потом сбавил темп до среднего и поддерживал его в течение минут пяти, пока не услышал взмолившийся голос Лехи:

– Ты что, опупел? Дай передохнуть!

Он находился на правом берегу Фонтанки. Но даже самый острый глаз вряд ли различил бы его сквозь влажные испарения и занавес бамбука. У Семеновского моста мы встретились. Он приплелся, отдуваясь, как морж. Капли дождя вперемешку с потом скатывались по его круглому лицу. Петушиная прическа расплзлась, как блин.

– Я из-за тебя чуть зонт не потерял... – пожаловался он, придерживая его локтем. – И прическа... черт!

Возле военно-медицинской академии мы привели себя в порядок: Леха причесался, а я подтянул штаны. Бондарь давно работал на нас. Правда, он снабжал информацией и конкурентов, но аккуратно, и дважды информацию никому не продавал. Мы нашли его в подвале отдельного корпуса. Он сидел и жевал бутерброд. Вид у него был малахольный. Наверное, он решал проблему, как к своим честно заработанным (из любви к трупам, конечно) девяносто пяти рублям добыть десятку, а лучше две или три, сохранив при этом лицо и достоинство. Впрочем, насчет последнего, возможно, он ошибался и даже мучился угрызениями совести, а тут мы с Лехой свалились ему на голову. Конечно, он обрадовался, тем более, что они были почти «кровниками», то есть Бондарь считал, что спас в свое время Леху, но об этом попозже.

– О! – воскликнул он, исчерпав одним махом все свое красноречие.

А потом по инерции долго поднимался во весь свой рост, голенастый, как сарыч, и вопрошительно смотрел на нас водянистыми глазами. Сейчас я тебя огорошу, думал я. Узнаем, как ты запоешь.

– Нам нужна женщина с шестой линии, – бескомпромиссно заявил Леха, задрал голову и разглядывая его с самым благодушным видом.

– У меня такой нет, – уныло ответил Бондарь и снова сел. Прodelал он это заметно быстрее.

Разговор был окончен. Сколько я его знал, он всегда выглядел одинаково флегматичным, оживляясь лишь при виде денег. Впрочем, продажность на Земле давно стала нормой, и плох

был тот неподкупный чиновник, который не брал взятки, ибо такой порочный подход к делу в нашей стране вообще не способствовал прогрессу.

– Как нет? – удивился я. – А кто есть?

– Никого нет... – Он взглянул на меня так, словно совесть у него была нечиста, и демонстративно посмотрел в окно. Дерево напротив было увешано колготками и трусиками. Должно быть сверху располагалось женское отделение, которое таким странным образом метило свою территорию.

– Дай ему десятку! – сказал я Лехе.

– А чего я? – возмутился он. – Дай ты!

Бондарь внимательно следил за нашей перепалкой. Два раза он поморщился. Один раз возмущенно цыкнул сквозь зубы, что, должно быть, отражало недовольство нашей скарденостью.

– Ты же у нас банкир, – напомнил я.

При этих словах лицо у Шурика прояснилось.

– Ну ладно, – смягчился Леха. – Но у меня мало. Мало, понимаешь! – Он с осуждением посмотрел на Бондаря. Вот почему он не отдает мою кровную десятку, подумал я, не особенно расстраиваясь, – он патологически жаден по отношению и ко мне.

Бондарь снова приуныл. Уплывала его десятка с мутными водами Невы.

Леха полез в карман штанов, долго там перебирал пальцами, потом с ловкостью фокусника выхватил купюру и протянул Бондарю. Шурик взял и вопросительно уставился на нас.

– В чем дело? – спросил я.

– Мало... – вздохнул он. – Ее и так уже спрашивали двое...

Меня всегда удивлял его нижняя челюсть с перекусом – в фас он выглядел нормально, а в профиль напоминал человека, который излишне долго задумывается над жизнью. Впрочем, разумеется, повод задумываться над жизнью у него, несомненно, был.

– Давай назад! – возмутился Леха.

– Давай назад, – подтвердил я, блефуя.

– На, – Шурик невозмутимо протянул десятку Лехе.

Леха взял и сунул в карман.

– Ну, ладно, – сказал я миролюбиво. – Пошутили и хватит.

Леха сделал круглые глаза и даже набрал в легкие воздух, чтобы возмутиться, но я опередил его.

– Верни ему деньги и добавь еще, – сказал я.

– Ни за что! – выпалил Леха. – Он меня бесит!

– Меня тоже, – согласился я. – Дай, и все, внесем в отчет. Главный возместит.

– Черт! Как же! – возмутился Леха. – Вы меня уморите. – И снова стал копаться в штанах.

Наконец дело было улажено, и мы тронулись в холодильную. Довольный Шурик вышагивал впереди. Белый халат на нем болтался, как на швабре. Мы подошли, и он открыл шестую камеру.

– Пожалуйста. – Жестом фокусника предложил заглянуть он.

Наверное, покойники ему порядком надоели.

Леха заглянул, присвистнул и покрутил носом.

– Ты что, мужик!..

– Я же тебе говорил, что она красавица... – многозначительно сказал я, полагая, что он сразу распознал в блондинке инопланетянку, и тоже заглянул. Признаться, мне не хотелось этого делать – я знал эту женщину живой и хотел, чтобы в моей памяти она осталась такой же.

Камера была пуста.

– Ты нас дуришь! – возмутился Леха, бросив на меня дурашливый взгляд, который означал только одно: «Сейчас я его разыграю»: – Ты куда бабу дел?

Только тогда Шурик счел возможным обозреть свои владения. Челюсть у него отвисла. Мелкие зубы, поврежденные флюорозом, торчали, как ржавые гвозди в подошве.

– Черт! – удивился он и открыл соседнюю камеру. Она тоже была пуста. Тогда он стал открывать все камеры подряд, и выглядел весьма удрученным.

Впрочем, чего можно было ожидать от человека, который полжизни провел среди покойников. Наверное, у него даже кровь была холодной, а свои червонцы он складывал в банку из-под формалина и хранил в термостате.

– Ладно, – сказал я, видя, как он мучается. – Кто приходил к тебе?

– Два типа из полиции... – Похоже было, что его прошиб холодный пот, потому что он вдруг стал мокрым, словно пришел с улицы.

– И все? – спросил я.

– И все... – неуверенно ответил он.

Он никак не мог сообразить, что произошло.

– Они что, унесли ее? – спросил Леха.

– Да нет... – вмешался я, – увели...

– Только взглянули, – ответил Шурик. – Я ее сам закрыл.

– А ты куда-нибудь выходил? – с подозрением спросил Леха.

– Только за «Балтикой» на Московский. Только там свежее пиво.

– Никого не заметил, когда вернулся?

– Да что вы меня за идиота держите?! – возмутился наконец Бондарь. – Я закрыл на ключ, а когда пришел, точно так же открыл.

– Мистика... – произнес Леха и покрутил носом. – Ты смотри, не ночуй здесь, а то тебя точно украдут, а ты не заметишь. Ладно, давай деньги назад!

– Перебьешься, – возразил Бондарь вполне осознанно.

– Почему? – спросил Леха.

– У нее было шестиклапанное сердце...

– Что это значит? – удивился я.

– А то значит, что она была уродом, – торжествующе произнес Бондарь.

– Что-то я не заметил... – признался я.

А Бондарь посчитал это основанием, чтобы прикарманить наши деньги.

– А ты ей под юбку заглядывал? – ехидно спросил эскулап.

– Ну? – спросил я, предчувствуя, что он меня страшно уязвит.

– Бесполое существо, – сказал он тоном, которым обычно стараются уберечь чужое самолюбие, а вышло, как дурная шутка.

Я не стал уточнять, что это значит, а сказал Лехе:

– Дай ему еще двадцадку и идем...

Мне сделалось тоскливо – нельзя, чтобы жизнь тебя всегда только обманывала, должна быть какая-то отдушина, куда ты можешь заползти. Но последнее время мне катастрофически не везло. Леха долго препирался с Бондарем, потом отдал ему деньги:

– На!.. Крохобор...

И мы вышли. На улице, когда мы спрятались под свои зонты, Леха спросил:

– Слушай, старина, а зачем полиции какая-то женщина? Могли б приехать официально, забрать под расписку...

– Значит, это не полиция, – вздохнул я и подумал, что никогда еще не ошибался в женщинах. Было такое ощущение, что меня подло обманули. И не только потому что женщина по словам Бондаря оказалась не женщиной, а потому что с ее исчезновением терялся всякий смысл нашего расследования. Потом я подумал, что это злая шутка. Впрочем, раньше я не замечал, чтобы Шурик Бондарь был способен на подобные выходки. С самим Бондарем Леху связывала следующая история. Еще до моей ссылки на Землю он побывал во всех горячих точ-

ках: и в бывшей Украине, которая перед тем как развалиться, корчилась в конвульсиях братоубийственной войны, и в бывшей Молдавии, на которую претендовала Румыния, и в Тунгусской зоне, где он был дважды ранен. Вначале в руки. Потом сразу же его контузило взрывом мины. У него был перелом основания черепа и множественные осколочные ранения в спину. Благо, в суматохе решили, что он живой, загрузили на «борт» и привезли в военно-медицинскую академию, где трудился наш незабвенный Бондарь. Здесь он и попал в его хозяйство, где пролежал ровно неделю. Об этом всем мне рассказывал сам Бондарь, не преминув многозначительно уточнить:

– Я точно выдержал температуру замораживания... – намекая на то, что таким образом спас Лехе жизнь.

Через неделю Леху выдали студентам для препарирования. Бледен был тот студент, который воскликнул:

– Профессор, у него кровь струится!..

– Не может быть! – ответил тот, и Леху срочно переложили на операционный стол.

Так он остался жив, но с тех пор ежегодно второго августа справлял «юбилей для покойника», как он любит выражаться. Все это произошло до моего проявления на Земле. Не знаю, сколько дней Леха поил Бондаря, но, должно быть, загул был грандиозным и очень долгим.

Двор академии походил на глубокий аквариум: где-то высоко над головой шелестели кроны деревьев, шапки омелы, как бороды, свисали с веток, а внизу стоял зеленый полумрак, и влажный тяжелый воздух был неподвижен, как в подвале.

– Знаешь, что, – сказал я Лехе, – пойдём-ка мы в гостиницу и обьём номер. А?

Леха только пожал плечами – не идти же в самом деле с повинной к главному, мол, все! доказать ничего невозможно.

Не успел я покинуть академию, как меня окликнули. Под зеленым сводом Загородного проспекта я едва разглядел Пионова, который стоял, прислонившись в «жигулям». Видать, на транспорт полиции выделялось не так уж много средств, потому что «жигули» были старыми, облупившимися и с лысыми покрывками.

– Поехали... – многозначительно сказал Пионов, открывая дверь. – Мне не терпится узнать последние новости...

– Привет, – сказал я невольно, усаживаясь рядом с Люсей, к которой испытывал ничем не подкрепленную симпатию.

– Учти, дорогуша. – Выглянул из-за нее Акиндин. – У наших на тебя вот такой зуб... Кто-то активно обрывает ниточки твоего алиби. Твой главный свидетель – бармен – не вышел на работу, раз!..

В чем заключалось два, я не понял, а только заметил, как Люся поморщилась: он явно болтал лишнее. Мне же хотелось видеть в ней тайного союзника. Но она была невозмутима, как греческая богиня.

Машина поползла в сторону Невского. Водителю приходилось объезжать бесчисленные рытвины и вздутия асфальта – корни тропических деревьев давно проросли во всех направлениях.

– Что ты делал в морге? – спросил Пионов, следя за мной в зеркало заднего вида.

– Искал блондинку, – ответил я честно.

– Нашел? – спросил он, и в его голосе прозвучали странные нотки.

– Она что, действительно, инопланетянка? – в свою очередь спросил я.

Он едва не кивнул в ответ на мою пронизательность.

– Бред! – высказался Акиндин и сделал губами так: – «Тру-у-у...»

– Что-то мне не понравились глаза у вашего напарника, – сказал я, улыбаясь Акиндину. – Наверное, он наркоман. Возьмите у него анализ мочи.

– Не усложняй себе жизнь, – заметила Люси, – а то тебе придется изменить показания насчет бара.

Я пропустил ее угрозу мимо ушей, потому что по большому счету это было детским лепетом, и я им не поверил насчет ниточек и алиби – кому нужно ставить под сомнение мои показания, о которых знала только полиция. У меня был иной козырь.

– Ее там нет... – сказал я не без торжества.

Стало тихо, как в судный день, даже дождь, похоже, перешел на октаву ниже.

– Притормози! – приказал Пионов, и мы на заднем сидении дружно качнулись вперед. – Как это нет?!

– Откуда я знаю? – удивился я и, глядя на них, вставил шпильку: – Это ваша прерогатива.

– Ты эту идею брось, дорогуша, – совершенно некстати произнес Акиндин.

Наверное, он решил обратиться к здравому смыслу спутников, потому с логикой у него, на мой взгляд, оказалось все нормально.

Люся выразительно посмотрела на Пионова и сделала жест, чтобы покрутить пальцем у виска. Я только не понял, насчет кого – меня или Акиндина.

– Ладно... – сказал Пионов, повернувшись ко мне и морщась, как от зубной боли, – вылазь!

– Я все равно найду, где она! – крикнул я им, едва успев выдернуть из машины свой зонт.

Люся выглядела крайне недовольной. Акиндин произнес очередную глупость: «Дурак спит, а счастье у него в головах стоит». Что думал Пионов, я так и не понял, потому что в этот момент он смотрел в окно. В общем, я им подкинул работенку. Но что хотела выразить своим жестом Люся? Было два варианта: первый – они считали меня идиотом, который копает на пустом месте, второй – она меня наконец оценила, но с точки зрения потенциального покойника. А если это так, то человек в черном рано или поздно должен меня найти, и тогда они дружно сыграют марш Шопена на расческе, пивном бокале и люсиных заколках. Выходит, что блондинку действительно забрал кто угодно, но только не полиция. Может быть, человек в черном?

Район станции «Владимирская» давно пришел в запустение: вход под землю провалился, просел и Кузнечный рынок за ним. Население постепенно перебралось в другие районы – благо места было предостаточно.

Большой котлован, заросший по берегам непролазными джунглями, был наполнен цветущей водой, и поговаривали, что здесь водилась только рыба «чучунда», приплывающая откуда-то из глубин метро – рыба невероятных размеров и большой силы. Все попытки выловить ее заканчивались трагически. Последний раз троих рыбаков в лодке она попросту перевернула, и только одному удалось выбраться на берег. Так что только сумасшедший мог ловить здесь рыбу. Однако такой сумасшедший стоял на мостике с удочкой в руках и делал вид, что его страшно интересует поплавок. При этом он выглядел, как подросток, которого уличили за неблагоприятным поступком.

Я незаметно оглянулся – Леха благоразумно прятался за деревьями.

– Стой там, где стоишь, – посоветовал я ему.

– У меня, как в аптеке... – отозвался он. – Я рыбачка еще по пути сюда срисовал.

– Кто бы сомневался... – похвалил я его.

Все это время я безуспешно боролся в головной боли, массируя большой палец попеременно на правой и левой руке. Вид у меня, наверное, был странным, потому что рыбак наконец смотал снасти и ушел.

– У тебя есть таблетка от головы? – спросил я.

– Есть, – ответил Леха. И тут его понесло: – У меня была баба...

– Женщина? – уточнил я, сворачивая на улицу Ломоносова мимо строения в виде утюга.

Дома – кое-где еще с богатым декором – в этой части города давно стали одинаково безликими: в подушках мха, с карнизов свешивались лишайники, аварийные балконы, некрашенные миллион лет двери и окна – все с укором взирали на зеленый мир. Удивительно, почему здесь еще не завелись мартышки, подумал я. Под ногами лопалось почерневшие осколки. Жизнь в городе, как у тяжело больного, постепенно отползала к центру.

– Скажи мне, почему в этом квартале никто не живет, а через дорогу – пожалуйста? Какой-то квадратно-гнездовой тип размещения. Даже хлысты не селятся.

– Не знаю, – признался Леха. – Еще до тебя газета исследовала этот феномен, но даже Лука ничего существенного не раскопал. Правда, он утверждал, что это имеет отношение к теории равновесных систем, что, якобы, так космос видит нас, и все подобное.

Я представил, как главный посмеивался, читая подобную чепуху. Как известно, все неизвестное кажется значительным. Леха немного подождал, пропуская меня вперед и обходя рекламный плакат со странной надписью: «Летайте самолетами Аэроф...», и продолжая:

– Ну да... Так она эти таблетки глотала пачками. И не только глотала...

Поперек тротуара валялся старый американский мотоцикл «чоппер». Прошлогодняя трава и ветки застряли в его спицах.

– Может, это не те таблетки? – спросил я машинально, ибо привык к его болтовне.

Демонстрируемый Лехой целибат² приводил в смущение немало женщин, и всем им хотелось прибрать Леху к рукам. Видать, и эта женщина пала жертвой его холостяцких привычек.

– Может, и не те. Она мне не объясняла.

– С кем ты связываешься? – удивился я, отнюдь не желая потворствовать другу в его экспериментах.

Рыбак, очевидно, очень быстро двигался по переулку Щербакова, потому что я вдруг увидел его спину впереди, когда он переходил мост. Где-то у них здесь должен быть еще один соглядатай. Ведь по логике вещей они не работают по одиночке. Уж очень демонстративно велась слежка. А от этого точно не убежишь. Он предусмотрительно не пользовался зонтом.

– И твоя Таня Малыш...

– Она давно не моя, – парировал я.

Впрочем, мне было наплевать на его суждения. В редакции разве сохранишь секреты?! Наш роман оказался слишком быстротечным, чтобы его вспоминать всуе. Мы ни в чем не отличились. К тому же она вечно плакала, а в перерывах между слезами жеманничала, чего я терпеть не могу. Меня раздражало в ней все – она даже дверь машины закрывала ногою. Однажды мне надоело такая жизнь, омытая океаном слез, и я ушел. С тех пор я избегал подобных экспериментов. Правда, когда я на нее порой смотрю, во мне еще шевелятся старые чувства, но я не рискую ничего повторять, ибо помню, что тайна этой женщины составляет одна вода. И все же вспоминая наше маленькое, убогое прошлое, я пришел к выводу, что, когда она плакала, то нравилась мне даже больше, ибо в этом состоянии не умела произносить глупости, и слава богу.

– Ну не твоя, какая разница? – согласился он, – она меня тоже извела...

– Женился бы, – сказал я.

– Я не сумасшедший, – отозвался он. – На Марсе – пожалуйста. А здесь нельзя. Климат не располагает.

В отличие от Лавровой, Таня Малыш была миниатюрной, но сложена, как богиня. К тому же у нее была прическа под мальтийскую болонку – чем она ужасно гордилась. В общем, женщина, которая рождается раз в сто лет. Правда, она боялась жизни и хотела, чтобы я женился на ней. Конечно, она не могла пережить расставания, конечно, она не знала, что будет делать без меня. Но, как видите, быстро нашла мне замену. Впрочем, я не в претензии.

² Целибат – безбрачие мужчины.

В этот момент я снова засек рыбака. Он стоял на площади за мостом и разглядывал витрину овощной лавки. Без зонта он выглядел жалким. Даже его удочка источала тоску и воду.

– Вижу еще одного в черном... – вдруг сказал Леха.

– Где? Где?.. – удивился я, вертя головой.

– Нет, показалось... – разочарованно вздохнул друг.

– Ловлю такси и жду тебя на Манежной, – сказал я.

Их оказалось большое, чем я предполагал. Но человека в черном я так и не обнаружил. Женщина с прозрачным зонтиком подошла к рыбаку и что-то ему сказала. Они тут же стали играть роль влюбленной парочки. Я вошел в лавку, сделал вид, что выбираю папайю, а когда продавец отвлекся, поднырнул под прилавок и вышел черным ходом.

Одно я заметил, проходя мимо парочки: от кого-то из них жутко пахло кошачьими «духами».

На Манежной площади прогуливались проститутки. Одна из них потрепанного вида, с обгрызенными льняными волосами, как и предписывалось законом (а закон гласил, что проститутки должны быть выкрашены в белый цвет с помощью козьей мочи), подошла к такси и прежде чем заговорить, вытащила изо рта жвачку и прилепила на стекло перед мой носом. Но бог весть откуда вынырнувший Леха помешал нашему общению. Он закричал, заглядывая в салон:

– А как насчет секса?! Девочка – куколка! – Он шлепнул ее по заду. – Настоящий силикон.

Проститутка фыркнула и шарахнулась на тротуар:

– Я дело с психопатами не имею!

А Леха полез в машину.

– Чего ты орешь? – спросил я. – Ты так всех кошек распугаешь.

Конечно, я ему не сказал, что от проститутки тоже несло кошачьими «духами». Было ли это совпадение или случайностью? – я не знал.

Когда мы добрались до гостиницы, дождь кончился, только капало с крыш и деревьев, да еще в Неву неслись потоки, приминая траву и лопухи. Воздух как всегда был свеж и душист. На Марсе такого никогда не случалось – климат не тот. Но почему же я его так любил?

Нам пришлось сменить три такси, сделать два круга вокруг центра и зайти через Петроградскую сторону. После всех маневров по городу я рассчитывал, что полиция раскрутит наши зигзаги не раньше, чем через час.

Верный своей тактике, Леха остался прикрывать тылы, а я полез в номер. Хорошо еще, что под гостиницей росла гинго белоба с бугристой корой – «чичас» – в виде женских грудей и фаллосов, а, слава богу, не акация с полуметровыми иглами, иначе бы мне точно пришлось нарушить покой последнего террориста – Теодора Кашинского.

Номер на втором этаже никто не убирал. Сетка кровати, которую я использовал в качестве тарана, лежала на том же месте, где я ее бросил, точнее – так, где она мне упала на ноги. Разбитый телевизор валялся на полу. На кровать, где спала блондинка, я старался не смотреть. У меня было такое ощущение, что блондинка все еще сопит в темноте, и меня так и подмывало осветить фонариком на койку. Я не выдержал и осветил. Все было в крови. Много крови. На всякий случай я приподнял подушку и плед. В одном месте кровь даже не свернулась – не мудрено в таком климате. Желудок вспомнил о том, что голоден, и меня едва не вывернуло. С минуту я дышал тяжело и глубоко и даже прислонился для равновесия к стене.

– Ты чего молчишь? – спросил Леха, и я вспомнил, что он стоит под окном.

– Набираюсь впечатлений... – ответил я, дыша, как стайер после марафонской дистанции.

– У меня пока все тихо...

В этот момент я увидел то, что искал. Пришлось убрать в сторону спинку, полусгнившие цветы и осколки вазы: за ножкой кровати, на которой в ту злополучную ночь спала блондинка, лежал знакомый предмет. В других обстоятельствах я бы не обратил на него внимания – мало ли детских шариков валяется на полу. Виниловых шариков. Но меня остановил символ внутри него в виде правильного многогранника, который я впервые увидел на брелке и между лопатками блондинки. Только на это раз многогранник выглядел, как вращающаяся голограмма. С минуту я разглядывал ее, не обращая внимание на кряхтенье Лехи под окном. Вот зачем приходил человек в черном, понял я. Я был почти уверен в этом. Осторожно потянулся, дабы не спровоцировать желудок, и взял планшетник. Но прежде чем взять его, я словно увидел под собой город. В следующее мгновение, как и в баре, передо мной раскрылась карта местности: Леха стоял внизу, Теодор Кашинский спал за стойкой, через два номера от меня парочка занималась любовью, используя небезопасные приемы соития. В тупике под лестницей на третьем этаже двое баловались «баяном»³ и героином.

Я как будто приподнялся над гостиницей – оказалось, масштаб менялся в зависимости от моего интереса к тому или иному объекту. У меня закружилась голова, снова появились неприятное ощущение в желудке. Повернул карту так, что увидел события у себя за спиной. Ба!!! Ноги Шурика Бондаря торчали из ванной. Черт! – выругался я и дернул руку. Все пропало. Шарик весело запрыгал по полу.

– Лезь сюда, – позвал я Леху, – я что-то нашел...

Но он молчал, только странно кряхтел. Я бросился к окну: Леха боролся с человеком в черном. В следующее мгновение, обдирая локти и колени, я слетел по гинго белоба вниз. Однако человек в черном оказался проворным, как кошка. Вырвавшись из Лехиных объятий, он ящерицей скользнул по ветвям плюща, обвивавшим здание гостиницы, и был таков. Вниз полетели оборванные листья. Леха, все так же кряхтя, поднялся.

– Фу-у-у... чуть не задушил, гад. Нашел что-нибудь? – спросил он как ни в чем ни бывало.

За свою долгую журналистскую карьеру Леха привык ко всему. Только совсем недавно он перестал носить на шее кусок цепи, которую использовал и в качестве украшения, и в качестве оружия. Кусок лебедочной цепи он выменял на бутылку водки на Канонерском судоремонтном заводе, отполировал ее и связывал толстой ниткой. Это было идеальное оружие ближнего боя, которое не раз спасало его в трудных ситуациях. Обычно нападают на безоружного человека, – и вдруг у него в руке оказывается такой «аргумент», которым Леха пользовался как нунчаками.

– Вот за чем он пришел, – сказал я и показал Лехе шарик с вращающейся голограммой многогранника внутри.

– Да... – удивился он, когда планшетник открылся. – Слышал о таких технологиях, но не видел.

Я едва не поверил его словам. Дело в том, что Леха наверняка знал больше, чем я, но никогда ничего не говорил зря. И тут мы обнаружили его – человека в черном: он уже миновал Андреевский собор, Большой проспект. Мы буквально висели у него над головой. Он оглянулся и вдруг пропал в районе Бурского переулка.

– Это, должно быть, блокировка, – уверенно заявил Леха.

«Видеоглаз» у Лехи был вставлен прямо в роговицу глаза, поэтому он смешно таранился, когда снимал. Впрочем, как он мне объяснил, съемка проводилась даже при закрытом глазе, для этого достаточно было поднести правую или левую руку к виску.

– Ну что?.. – спросил я.

Я потыкался перед домом и даже попытался войти внутрь через подъезд, но Леха взмолился:

³ «Баян» – шприц (жаргонное выражение).

– Нет, нет! Не стоит. Вдруг там у него засада – какая-нибудь активная зона... излучатели, черт его знает что. Еще сожжет планшетник и нас в два счета.

– Ладно, – согласился я, полагая, что он больше меня разбирается в подобных вещах. – Тогда поехали сюда. – От моих движений изображение смазало, но мы сразу вошли в холодильник. Бондарь по-прежнему лежал в ванне с формалином. Разумеется, мы не чувствовали запаха. Лицо его выражало ужас.

– Я всегда знал, что он плохо кончит, – констатировал Леха, не выказывая особенного сострадания.

В образцово-показательной комнате Бондаря царил хаос: стулья были разбросаны по углам, большой медный стол беспомощно лежал в центре вверх ножками. Все, что можно было разбить, было разбито. Впрочем, на осколки мы все равно не могли наступить. Термостат достоверно показывал нам свое нутро. Похоже, искали сбережения. Мы услышали голоса и даже разобрали слова:

– Перчеклин, Перчеклин! Ты же говорил, у него миллионы!

Выскочили следом: их было двое. Они убегали в сторону соседнего здания, и мы не успели их разглядеть. Единственное, что бросилось в глаза – оба были в белых халатах и в шлепанцах на босую ногу. Вот что значит использовать термостат в качестве копилки. Все-таки деньги нужны для того, чтобы их тратить.

– Ты понял?.. – Леха потыкал меня в бок.

– Понял, – ответил я. – Понял, что кто-то навел грабителей, а за одно убрали и свидетеля. Если бы Бондарь меньше любил свои деньги, то остался бы живой, а так мы влипли. А? – Я не хотел никого тащить с собой и спросил Леху для проформы. – Ну что? – я подождал, – пошли в «Юран», поговорим с барменом, а потом к одному человеку, который знает о планшетниках больше нас с тобой?

Пусть Леха, подумал я, хранит свои тайны. Значит, на это есть причины. Я сунул шарик в карман, изображение послушно исчезло, и через пять минут мы уже стояли в баре. Бармен переспросил:

– Берёзин, что ли? Бывший капитан? Так, х-х-х... он сегодня отдыхает. – И назвал адрес: – Улица Маяковского двадцать два, дробь тридцать.

Пришлось Лехе брать такси. На этот раз он даже не роптал. Шофер немного поартачился, но свернул с проторенного Невского на Литейный и высадил нас около церкви святых Симеона и Анны. Дальше он ехать не хотел – улицы в глубине квартала, заросшие лианами, сплошь были усыпаны кирпичом и многолетним хламом. Леха молча расплатился. У него было очень сосредоточенное лицо. Надеюсь, у меня точно такое же, потому что дело приобретало серьезный оборот. И я гадал, стоит ли вообще дальше заниматься планшетником. Мы пошли по извилистой тропинке, проложенной между всем тем, что отваливалось от домов или выбрасывалось жильцами на улицу. Где-то лаяли собаки и плакали дети. Откуда-то из-под крыш доносилось одно и то же: «Когда я уйду далеко-далеко...» Потом нам на головы высыпали содержимое мусорного ведра. И мы, отплеываясь и обираясь, прибавили хода.

– Как ты думаешь, хватит с нас на сегодня одного планшетника? А?

– Для нас с тобой хватит, – согласился Леха. – Но главный... – он покрутил носом и очень сильно поморщился. – Не-а-а... не поймет...

Казалось, мы с ним подтвердили договор. Но ей богу, я бы сам справился.

– Слушай, – сказал он нетерпеливо. – Мы идем или не идем?

– Идем, – согласился я.

Леха был специалистом во многих вещах, в том числе и по взлому всякого рода замков. Несколько раз он показывал мне свое мастерство, когда мы по роду деятельности вынуждены были проникать в чужие квартиры. Должно быть, нам не хватило каких-нибудь пяти минут. И умение вскрывать замки Лехе не понадобилось – дверь в квартиру Берёзина оказалась рас-

пахнутой. В этот момент внизу хлопнула парадная дверь – кто-то выбежал из дома. Официант лежал на кухне в луже крови. У него, как и у блондинки, было перерезано горло. Он еще хрипел. Мы попытались ему помочь, но рана оказалась слишком обширной. Леха вылетел в прихожую вызвать скорую, но в этот момент мы услышали в гулком подъезде голоса.

– Полиция! – почему-то шепотом объявил Леха, и мы, выскочив из квартиры, увидели в пролете лестницы поднимающихся людей. Кажется, среди них была Люся. Я узнал ее по аккуратной прическе с ровным пробором. Стараясь не шуметь, мы на цыпочках прокрались на чердак. И разумеется, не заметили, что сильно наследили – кровавая цепочка следов потянулась вслед за нами. В довершении, Леха, как нарочно, оставил на стене и перилах кровавые отпечатки рук. При данных обстоятельствах нам совершенно не улыбалось встретиться еще раз с Быком и его командой.

Они дали нам фору минуты в полторы, а потом погнались следом. Но их было слишком мало, чтобы оцепить квартал. И я услышал, когда мы уже спустились по чудом сохранившейся пожарной лестнице и уходили в сторону Фонтанки, как Пионов твердит в рацию, понимая безнадежность своих призывов:

– Пришлите людей... Пришлите людей, черт возьми! А?! А?! А-а-а... Я слушаю, идиоты!!!

При его габаритах он был плохим бегуном и руководил операцией из машины. Где-то наверху перекликались Акиндин, Люся и водитель. Признаюсь, я испытал чувство злорадства, представляя, как она лазает по лестницам, а ее заглядывают под юбку. Нечего женщине соваться в такие дела.

Глава 3

Новейшая история

Мы не побежали в сторону Невы или Фонтанки, что казалось наиболее логичным, потому что те мосты, которые не были разведены, наверняка уже были перекрыты полицией, а свернули в сторону Спасо-Преображенского собора и присели подальше от убогих в тени его куш, где горланно ссорились мадагаскарские руконоги, а встрепанные стаи рогоклювов перепархивали в тени деревьев. Опять начинался мелкий дождь. С моих ушей капало, и я уже не обращал внимания на мокрую одежду. Вода на асфальте, медленно испаряясь под невидимым за облаками солнцем, превращалась в редкий туман. Откуда-то сразу же появились вездесущие комары и мухи, которые принялись пить из наших истерзанных тел последние капли крови.

– Тебе не кажется странным, что убивают всех, кто имел даже косвенное отношение к блондинке? – спросил Леха, отмахиваясь от насекомых.

Он панически боялся всяких мух и особенно пчел. В прошлый году он пошел в гости к своему дяде, который жил в районе Авиагородка. Дом стоял в саду, а в саду заведись дикие пчелы. Леха с дядей сели под деревом, выпили по здоровенной чарке, и дядя решил похвастаться. Он ударил ногой по стволу, на котором висел улей, и сказал:

– Мне и собаку заводите не надо, у меня пчелы, как собаки!..

– И какие они у тебя? – поинтересовался пьянеющий Леха.

– Цепные!!! – похвастался дядя и еще раз ударил ногой по дереву.

Естественно, пчелы покусали обоих. Мало того, что в Леху вкатили немереное количество лекарства, так он еще неделю ходил на крокодила, вымазанного зеленкой.

– Я тоже думал об этом, – признался я, рассматривая, как из собора выходят хлысты, собирающиеся на молитву со всей округи.

У них было особое одеяние – холщовый балахон и кусок веревки на талии. Надо будет спросить у отца Вадима, подумал я, почему они молятся в обыкновенных церквях. Вид у них был, словно они в чем-то сговорились, но считали нужным этого скрывать. Потом я вспомнил его слова: «Церковь должна объединять всех прихожан независимо от их заблуждений». Он только забыл, что настоящие, «дикие» хлысты молятся на голову козла в подземных молельнях и пьют человеческую кровь. Однажды Лехе даже удалось снять репортаж об их ритуале, но материал по политическим соображениям так и не пошел в печать, хотя в последние годы различные антицерковные секты появились, как грибы после дождя. Власти явно не знали, что делать с этим явлением и закрывали на все глаза.

– Зачем они его убили? – спросил Леха.

В его пегой прическе блестели капли влаги, а серые глаза выражали ухарскую беспечность. К середине дня мы оба устали, и пора было перекусить. Мой желудок успокоился и готов был к принятию пищи.

– Бармен мог увидеть планшетник, мог что-то услышать. Да мало ли что. Бармены часто бывают чьими-то информаторами. Хочешь, мы прекратим расследование, падем ниц перед главным и откупимся планшетником?

– Хочу! – заявил он, выпячивая грудь колесом.

– Пошли, – сказал я, понимая, что он валяет дурака. – Пошли...

Один из убогих, обвязанный окровавленной тряпкой, замер рядом с нами.

– Я не сумасшедший! – заявил он, сдирая тряпку с шеи, на которой у него алел здоровенный кус. – У меня просто отклонения в психике.

Он был в засаленном пиджаке, одетом на голое тело. Его щеки в голубоватой сыпи болезненно лоснились то ли от возбуждения, то ли от дождя, а грудь была впалой, словно по ней

проехался грузовик. Глаза блестели, на заливке же была большая «гуля» – опухоль величиной с кулак. Я с тоской подумал, что через десяток лет стану точно таким же, если не сбегу на Марс. Земной климат давно стал вредным для здоровья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.